

Юрий ТОРУБАРОВ

МЕСТЬ АСКОЛЬДА

Серия исторических романов

Юрий Торубаров

Месть Аскольда

«ВЕЧЕ»

2015

Торубаров Ю. Д.

Месть Аскольда / Ю. Д. Торубаров — «ВЕЧЕ»,
2015 — (Серия исторических романов)

1239 год. Козельск пал, но некоторым его защитникам и жителям все же удалось спастись, укрыться в непроходимых лесах. Уцелевшие воины во главе с сыном погибшего воеводы Сечи, Аскольдом решают отомстить жестоким захватчикам и начинают против них настоящую партизанскую войну... Читайте долгожданное продолжение блистательного приключенческого романа Юрия Торубарова «Тайна могильного креста»!

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	19
Глава 7	22
Глава 8	24
Глава 9	29
Глава 10	31
Глава 11	34
Глава 12	37
Глава 13	40
Глава 14	44
Глава 15	50
Глава 16	52
Глава 17	58
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Юрий Торубаров

Месть Аскольда

© ООО «Издательство «Вече», 2015

© Торубаров Ю. Д., 2009

* * *

«...горожане резались с ними ножами, а другие вышли из города, напали на татарские полки... пока сами все не были истреблены; остальные жители: жены и младенцы подверглись той же участи; что случилось с князем Василием, неизвестно; одни говорят, что он утонул в крови, потому что был еще молод...»

С. М. Соловьев.

«История России с древнейших времен»

Глава 1

Тишина. Густой ночной мрак, цепляясь бархатными каплями за ветви столетних великанов, нехотя растворяется в напоенном предутренней прохладой воздухе. Небольшая, затерявшаяся в дебрях лесного моря поляна неслышно покрывается белоснежной пеленой тумана, ползущего на смену рассеивающейся темени к спящим вповалку людям. Огни догорающих костров освещают усталые, перепачканные золой и кровью лица молодых воинов. Рядом с ними спят дети. Кое-кто из них порой испуганно вскрикивает. Не спят только два воина. Один из них, прислонившись спиной к дереву, бережно держит на своих коленях голову другого и с нежностью гладит вьющиеся локоны. Они ведут тихий разговор.

– Мне думается, в Киев идти опасно. Боюсь, упоенные победой татары могут повернуть своих коней к столичному граду. Я не могу, не хочу рисковать ни тобой, ни детьми, которых нам доверили горожане, – говоривший наклонился и страстно поцеловал алые, зовущие губы.

– Ты что?! – откликнулся стыдливый, но радостный женский голос. – Еще увидят...

– Ну и пусть видят! Я всему миру хочу крикнуть: я люблю! Люблю тебя, мою жену, моего боевого товарища, друга!

Но тотчас его лицо посуровело.

– Что с тобой? – встревожилась она.

– Сердце грызет забота о козельских детях: что с ними будет? Мы должны поскорее найти им безопасное место. Мы дали клятву сберечь их. И в память дорогих козельчан, в память моего отца обязаны выполнить обещание. Помнишь слова воеводы: «Я хочу, чтобы...

...над моей могилой стоял крест!» – закончил мягкий женский голос.

– И он будет стоять, – воин весь преобразился, глаза засверкали. – Нас не сломить!

– Будет, дорогой! – она нежно погладила его по щеке и тяжело вздохнула.

– Всеславна, родная, что с тобой?

– Я вспомнила отца, Аскольд. Жив ли он?

– Да-а, – невольно вырвалось у Аскольда, – что стало с градом, где отец? Думаю, татары не простили козельцам их дерзновенной смелости. Я видел кровавый пир победителей. Нет ничего ужаснее.

Его брови сурово сдвинулись, а взор устремился туда, где над кромкой леса появилась узкая светлая полоса. Там, на востоке, на высоком берегу стоял его прекрасный город. От нерадостных мыслей его отвлекли журавлиный клекот над головой да грозный рев недовольного чем-то хозяина леса. Жизнь диктовала одно: надо принимать решение.

– И все же Чернигов, – сказал Аскольд, тяжело вздохнув. Потом добавил: – Князь должен нам быть благодарным. Как-никак, мы спасли его.

Всеславна покачала головой:

– Не ты ли мне говорил, что Великий князь предал Козельск, не послав ему помощи? А теперь хочешь, чтобы мы пошли к этому человеку? Прости, Аскольд, но трусость, предательство – что страшнее этого может быть?

Как ему хотелось согласиться с ней! Однако суровая действительность диктовала другое: нельзя напрямик из огня да в полымя!

– К несчастью Руси, не он один такой. На моих глазах татары брали Москву, и я не видел, чтобы кто-то пришел на помощь. Но я надеюсь, что князь Михаил одумался и окажет нам достойный прием и защиту. Я не вижу другого выхода. Он ведь христианин и не возьмет грех на душу, отказав невинным сиротам.

Всеславна промолчала. Она не могла не признать правдивость слов мужа.

Между тем туман густел, поляна превращалась в дивное молочное озеро. Сильней потянуло прохладой.

– Надо подбросить дровишек, а то огонь совсем угаснет, – Аскольд бережно приподнял голову жены со своих колен и поднялся, направляясь в лес.

Время, неумолимый пешеход, шло. «Озерная» пелена стала спадать. То здесь, то там стали подниматься взлохмаченные детские головки. Они с испугом таращили глаза на незнакомое окружение и принимались хныкать, жалобно издавая: «М-а-а-а...»

– Спите, спите! – принялся успокаивать Аскольд.

Услышав голоса детей и мужа, Всеславна поспешила ему на помощь.

– Тут больше оставаться нельзя. Детям нужен кров, и я согласна и на Чернигов. Конечно, в Киеве мои родственники позаботились бы о детях по-родительски, – она вздохнула. – Но никто не знает, куда пошел Батый.

– Ты, пожалуй, права, – согласился Аскольд. – Действительно, кто знает, куда повернул хан? А сейчас пойдем, проверим нашего князя.

Василий спал меж корней могучего дуба, удобно положив голову на одно из корневищ. Он сладко посапывал, причмокивая во сне губами.

– Ну совсем еще дитяtko, – тихо прошептала сестра, украдкой смахивая слезу. – Что его ждет?

– Будем молить Господа, чтобы наши горести остались позади, – вздохнул Аскольд.

* * *

Да, хан не торопился ни на Киев, ни на Чернигов. Он никак не мог избавиться от пережитого под Козельском ужаса. Горы трупов татарских воинов устилали путь козельских смельчаков. И это мог сделать один маленький городок? А что, если урусы объединятся? Тогда конец всем его замыслам!

Хан скрипнул зубами. Прочь от этого проклятого места! Скорее в привольные степи! Там его душа найдет покой. Нагайка свистнула в воздухе. Конь вихрем сорвался с места. Но внезапно властным движением хан осадил коня.

Толпа молча расступилась, пропуская вперед толстого старого монгола, который решительно направился к повелителю.

– Следуй за мной, Великий хан, – сказал он спокойно и развернул коня.

На высоком холме старик остановился. Там, укрытое белым покрывалом, что-то лежало. Старик, громко отдуваясь, слез с коня и направился к странному предмету. Он сорвал полотнище, и взору изумленного хана предстало чье-то тело.

Батый подъехал ближе. Ему сразу бросилось в глаза, что человек был одет в белую рубашку, которая во многих местах была покрыта пятнами крови. В центре чернело маленькое отверстие.

«Стрелы!» – догадался хан. Затем его взор перекинулся на лицо. Брови строго сжаты, восковые щеки ввалились, а выпирающие скулы придают всему облику грозное выражение. Налетевший порыв ветра вдруг шевельнул белоснежную окладистую бороду человека. Хан от неожиданности вздрогнул и оглянулся.

Старый монгол спокойно и понимающе кивнул, словно сбросил с Батыя невидимые оковы, и он уже без всякого страха взглянул на покойника. Какое-то мгновение хан стоял над ним и вдруг медленно опустился на одно колено.

– Он мой враг, – заговорил Батый властным голосом, – но он доблестно, как герой, выполнил свой долг. Вы все, – он посмотрел на своих приближенных, – должны учиться у него военной мудрости, отваге и преданности своему князю. Похороните его, как хоронят Великих батыров. Но чтобы ни один урус не узнал дороги к его могиле!

Последние слова Батые утонули в диком реве, хлынувшем на холм откуда-то снизу. Хан осмотрелся. Холм сплошным кольцом окружали воины. Это их вопль всколыхнул округу. Они вопили, потрясая оружием, горячо приветствуя слова своего джихангира. Так герои чествуют героев.

Экзальтация достигла таких размеров, что хану стало ясно: крикни он любое слово, и войско очертя голову бросится выполнять его волю, забыв про изматывающие бои, бессонные походы. И он почувствовал, как в нем рождается желание. Он поведет своих доблестных воинов. Пусть ни у кого не останется сомнений в трусости их хана. Он поведет их. Но... только сперва на этого хитрого, скользкого Котяна.

Прежде чем сесть на лошадь, Батый снял с пальца массивное золотое кольцо со вставленным в него огромным, как глаз лошади, алмазом и бережно положил на грудь воеводы Сечи.

Старый монгол одобрительно крикнул. Врага надо не только уничтожить. Но и... уважать. Этот старик сделал то, чего до него не могли сделать ни в одном городе. Это по его, Субудай-багатура, приказу отыскали тело воеводы. Это он хотел привести к нему хана и научить владыку ценить таких батыров. Но, к чести хана, он сам показал достойный пример. И пусть знают эти шакалы, стаями окружающие повелителя, что и он, старый багатур, гораздо ценнее пустоголовых жеребчиков, которые наговорами пытаются оттеснить старика. Один из них – царевич, утверждавший, что, дескать, именно по вине Субудая так долго не могли взять Козельск. Пусть видят эти щенки, как оценил деяния урусского воеводы сам джихангир. Что они понимают в военных деяниях?! А у него для хана есть еще один сюрприз...

Глава 2

С появлением татар под Козельском половецкий хан потерял покой. Давние стычки с этим народом поистерлись из памяти, стали забываться, казались уже чем-то далеким, мифическим. Но когда на севере запылали русские города, беспокойство овладело всем существом Котяна. Чем громче были успехи пришельцев, тем сильнее они отражались на состоянии половецкого владыки.

Возликовала его душа, когда воевода Сеча приковал к себе татарские силы. Многие советники убеждали хана ударить по невесть откуда появившимся пришельцам. Но Котян ждал действий Черниговского князя Михаила. Сам он не предлагал совместного похода: боялся, наученный горьким опытом, случаев, когда нарушались клятвы, когда предавали друзья. И сейчас хан опасался, что Михаил, вздумав откупиться от победоносного Батыя, выдаст тому его планы. Котян выжидал. Но черниговец молчал.

В последние дни лазутчики приносили тревожные вести: татары подтягивают силы, готовясь, вероятно, к нападению. Есть от чего потерять покой. Собрал тогда Котян знатных людей держать совет. Расхваливая на все лады Сечу, те радовались, что Козельск оказался татарам не по зубам. «Так какая у них сила?» – восклицали многие.

Котян вынужден был напомнить о ранее имевших место стычках:

– Да, Сеча молодец! Но смотрите – пала Рязань, пала Москва. Сдался Владимир! Это о чем-то говорит?

Этот аргумент был, безусловно, в пользу татар. Больше никто не стал сомневаться в их военном превосходстве. Многие склонялись к тому, что надо уходить.

Стали думать, куда. Идти под руку Михаила? Но он сам пока затаился, как заяц. Идти дальше, к Даниилу? Но тот может припомнить совместные походы с черниговским князем в его земли. К полякам? Но ведь и тех они не оставляли в покое. Оставался венгерский король Бела.

– Но идти к нему с пустыми руками нельзя, – заметил немолодой половец с глубоким шрамом через все лицо. – Эх, как быгодились сейчас богатства, захваченные козельским воеводой в отместку за свое пленение!

– Этих богатств, кстати, хватило бы, чтобы откупиться от Батыя. Почему же воевода этого не сделал? – раздались голоса.

– Воевода умен, – заметил старый половец. – Он знал: татары коварны, верить им нельзя. Взяв город, захватили бы и богатства, – добавил он.

Нашлись те, что принялись возражать:

– Старик хитер, надежно их спрятал. Только сын Сечи может знать это место.

– Надо выкрасть сына! – выкрикнул кто-то.

– Но как это сделать? – задал вопрос половец со шрамом.

Все пустились наперебой обсуждать план по возвращению утерянных богатств, однако хан гневно приказал замолчать.

Вновь заговорил Котян:

– Да, с пустыми руками идти негоже. Венгерский король тоже любит подарки. Отберем в дар конные табуны. Каждый из вас должен пожертвовать часть своего золота и серебра. Ты, Ахман, – ткнул хан в грудь пожилого половца со шрамом, – соберешь дары и поведешь людей к Беле. Тут останутся только воины.

Взмахом руки хан отпустил совет, затем призвал Курду, своего главного исполнителя самых щекотливых и ответственных поручений. Явился худощавый, с умными, хитроватыми глазками половец. Его бронзовое лицо выражало саму покорность. Котян, не доверяя толстой шатровой кошке, подтянул половца к себе, зашептал:

– Козельск падет не сегодня-завтра. Возьми людей, сына воеводы знаешь?

Курда кивнул.

– Выследи его и приведи ко мне, только живым. Понял? В награду получишь лучшего моего жеребца. Ступай, – и он вытолкнул слугу из шатра.

Вскоре лошадиный топот возвестил хану, что его приказ начал выполняться.

Известие о падении Козельска пришло под утро. Котян, сморенный долгой бессонницей, спал сном праведника, разметаив по мягким шкурам могучие руки. Он громко храпел, и его долго пришлось будить.

Слова лазутчика не сразу дошли до сознания. Но, поняв, в чем дело, хан стремительно вскочил, сам облачился в одежды и приказал подать лошадь.

Весть мгновенно облетела стойбище. «Надо уходить! Надо уходить!» – несло со всех сторон, но Котян твердо сказал:

– Пока не вернется Курда, мы никуда не двинемся.

Но молчала земля. Бесцельно шатались воины в ожидании команды. Не заставил хана стронуться с места и очередной лазутчик, известивший о приближении Батыя. Хан сидел не шевелясь, уставившись в одну точку. И только весть о прибытии гонца от Курды оживила Котяна. Но причин радоваться не было: сын воеводы Сечи с небольшим отрядом вырвался из города и уплыл на ладьях по реке в неизвестном направлении.

– Сыскать и доставить! – заорал в бешенстве хан.

Гонец прыгнул в седло.

– Ищите нас у венгерского короля! – успел крикнуть вдогонку хан, решив в последний момент все же уходить.

Но уйти без боя половцам не удалось. Батыевы полчища замаячили на горизонте. И Котяну ничего не оставалось, как извлечь саблю из ножен.

Татар в бой повел сам Субудай, и это чуть не стоило Котяну пленения. Но Батый вдруг прислал гонца с приказом прекратить преследование и повернуть войска обратно. С тяжелым сердцем выполнил монгол команду. Но осуждать хана не посмел. Он вдруг понял, почему тот так поступил. «Долго будет сидеть у тебя в башке этот воевода», – подумал Субудай о своем хане.

Батый не знал, как отблагодарить своего полководца, доказавшего, что с годами талант его не померк. Старый воин расчувствовался. Когда они остались вдвоем, Субудай-багатур сказал:

– Прости меня, ан-Насир, но настало время раскрыть тебе одну тайну.

Полководец заковылял к выходу, но вскоре вернулся. Рядом с ним шел... русский. Хан с интересом взглянул на уруса и прочитал в его глазах глубоко скрытый страх. «Этот сделает все, что ему прикажешь», – подумал он и уселся поудобнее.

Багатур тяжело опустился невдалеке от своего повелителя.

– Кто это? – спросил у него Батый.

– Он тебе ответит сам, – загадочно произнес полководец.

– Я князь Всеволод, брат Великой черниговской княгини, – произнес пленный.

Ответ не удивил Батыя. В его обозе уже было предостаточно разных русских князей. Он с презрением наблюдал за многими, когда ради личной выгоды они готовы были предать даже отца.

Батый повернулся к Субудая. Тот медленно, по-черепашьи приблизился к хану и что-то стал шептать на ухо.

– Хорошо! Посмотрим, – сказал тот и милостиво махнул рукой.

Урус сделал шаг вперед и распростерся ниц:

– Дозволь, Великий хан, мне, ничтожному твоему рабу, молвить слово.

– Говори, – приказал хан.

Всеволод в коротких выражениях рассказал о задумке воеводы и исчезновении его сына Аскольда с ребятами, а с ним – и тайны половецкого богатства. Хан оживился: половецкое богатство должно быть немалым. Он повернулся к полководцу:

– Ты почему сразу не сказал мне об этом человеке?

Субудай, сонно сощурив глаза, заговорил:

– Джихангир, Козельск вошел в твое сердце глубокой болью, и разве услышал бы ты сквозь нее слова об этом урусе? Я видел, что ты пребывал в великом гневе. Но я горжусь тобой, твой ум победил горечь, и ты, как и подобает Великому хану, нашел в себе мужество достойно отметить подвиг своего врага. Только после такого поступка я мог представить твоим очам этого пленника.

Ответом хан остался доволен. «Умен же этот старик, – подумал он, – и никакие наговоры не разлучат нас. Пока он у меня, я спокоен за свое воинство».

А тот, покряхтев, сказал:

– Вели, джихангир, снарядить отряд. Молодой сокол не мог далеко улететь.

Хан кивнул и взмахом руки отпустил пленника.

Когда они остались вдвоем, Батый подошел к полководцу:

– Если нам удастся обрезать крылья этому юному соколу и он согласится быть с нами, я сделаю его темником: пусть ведет моих воинов дорогами побед. Видать, он весь в отца!

Субудай довольно закряхтел:

– Джихангир! Походы забрали моих сыновей. Я готов отдать сердце этому юному урусу.

– Ты хочешь ввести его в свою юрту? – удивился хан.

– Да, ан-Насир.

– А если он окажется волчонком?

Толстое лицо Субудая затряслось:

– И волчонка можно приручить...

Глава 3

Аскольд, дав ребятишкам время для хорошего отдыха, решил в полдень выступать в путь, но неожиданно примчался запыхавшийся Нестерка.

– Татары! – не то со страхом, не то с ненавистью выкрикнул он.

Потом выяснилось, что он ошибся. Это были половцы. Но суть дела от этого не менялась. Аскольд вскочил на ноги:

– Други, уходим!

Все бросились одевать ребятишек, собирать свой скарб.

– Гол, веди ребят, – приказал Аскольд, – мы догоним. Всеславна, уходи с Голом, – приказал он, видя, что жена собирается остаться.

Голос его прозвучал решительно и строго, и Всеславна безропотно подчинилась.

Когда отряд, ведомый Голом, скрылся в лесу, Аскольд приказал Нестерке:

– Веди!

Небольшой отряд козельчан скрытно двинулся навстречу врагу. Они встретили их на поляне. Те, усевшись в кружок и забыв выставить дозорных, устроили себе обед.

Нестерка чертыхнулся вполголоса:

– Фу, да это же половцы!

«Что им здесь нужно? Может, узнав о беглых детях, хотят их захватить, чтобы потом продать в рабство?» – подумал Аскольд, но выяснять ничего не стал. Он дал сигнал на отход.

Назад они шли ходко и Гола догнали быстро. Аскольд решил поскорее покинуть опасное место. Поэтому приказал воинам посадить всех малых детей себе на плечи, и они почти бегом двинулись вглубь леса. По пути им встретила небольшая речушка, и Аскольд повел по ней отряд, чтобы сбить вражину со следа.

Следующий день тоже прошел спокойно. Аскольд вздохнул: «Ворог остался позади. Теперь встреча с ним навряд ли случится». Он непростительно расслабился, и это чуть не стоило многим жизни, если бы не Василек.

Юный князь во время отдыха заметил птенца щегла. Василий попытался было его схватить, но тот успел перелететь на другой куст. Так и пошло, пока он едва не выскочил на большую поляну, откуда доносилось лошадиное ржание. Мальчик, забыв о птенце, спрятался за куст. И тут он увидел людей. Те молча ехали на своих маленьких лошадках, подставляя солнцу крепкие смуглые тела.

– Татары! – ахнул Василий.

Вернувшись на стоянку, он рассказал обо всем Аскольду. Велев отряду спрятаться в лесу, тот в сопровождении нескольких человек ушел на разведку.

Да, это были татары. Их конные разъезды маячили далеко на юге. Аскольд понял, что путь на Киев отрезан. Оставался Чернигов. Другого выбора не было.

Видя, что с чела мужа не сходит печаль, Всеславна постаралась его успокоить.

– Надо радоваться, – заговорила она, – что Василек первый увидел врага. Не дай Бог, если бы они заметили весь отряд. А пока мы и от половцев ушли, и от татар спаслись. А в Чернигове, узнав о наших мучениях, воздадут нам должное.

Постепенно ее благостное настроение передалось и другим, но, как оказалось, преждевременно. Курду трудно было перехитрить. Он, как собака, шел по следу отряда. Дойдя до речушки, Курда понял, что преследуемые воспользовались ею, чтобы сбить со следа. Осторожно, осматривая каждый шаг, он повел отряд по течению.

Курда напал неожиданно, когда козельцы остановились на привал. Аскольд успел организовать оборону, и его воины начали даже теснить половцев, однако численное превосходство было на стороне неприятеля.

– Гол, – крикнул Аскольд, отражая атаку очередного половца, – спасай детей! Нестерка, бери князя и уходи. Береги его пуще глаз. Всеславна, уходи с ними! – приказал он.

Но последнюю его команду не выполнили: Всеславна дралась рядом с ним. Увидев, что часть половцев бросилась за Голом, Аскольд с группой воинов кинулся за ними. Битва разбилась на несколько групп.

Нестерка, сразив половца, вскочил на его лошадь, подхватил князя и, настигая коня, помчался подальше от кипевшей битвы. Он не заметил, как от сражавшихся отделились несколько всадников и устремились за ними.

Битва начала стихать, когда Аскольд со своими воинами отступил в глубь леса. Половцы, как и все степняки, боялись его таинственного чрева. Преследование вскоре прекратилось. Аскольд бросился разыскивать Гола, но наступившие сумерки заставили отложить поиски до утра.

Однако следующий день тоже ничего не дал. Гол вместе с ребятами как в воду канул. Оставалась надежда, что древлянин, хороший знаток леса, выведет детей к своим, куда не сунутся ни татары, ни половцы. Это успокаивало.

Аскольд еще несколько дней крутился со своим отрядом по лесам, разыскивая беглецов, но, так никого и не обнаружив, вынужден был следовать в Чернигов.

Всеславна очень тревожилась за своего брата, и Аскольд, как мог, старался ее успокоить:

– Гол знает, что мы пойдем на Чернигов. Он придет туда и приведет с собой юного князя.

Она благодарно улыбалась мужу, но сердце не успокаивалось, чувствуя беду.

Глава 4

Слух о падении Козельска, подобно смерчу, понесся по притаившейся земле, приводя всех в трепет и отчаяние.

Хозяину Мазовецкого замка сообщил о случившемся местный пожилой крестьянин.

– Козельск... пал? – недоверчиво переспросил Конрад.

– Да, да, – закивал кудлатой головой смерд, отступая осторожно назад.

Князь резко махнул рукой. Крестьянин тотчас бросился к двери, а Конрад принялся мерить шагами комнату, размышляя вслух:

– Не выдержал старик. А жаль! И я хорош. Чего сижу в своем замке? Давно надо было протянуть ему руку. А все Михаил... Черт его задери. Все отговаривал: устоит, мол, воевода, крепка в нем сила. Крепка-то крепка, да сила силу ломит. Поздно об этом убиваться. Что же теперь? Куда хлынут эти полчища? Господи, а у меня половина воинов разбежались по домам. Чертовы деньги! Где их взять? И магистр грозить начинает... Но что же делать? Неужели угроза грядущей беды не сплотит людей перед общим врагом? А что предпримет Михаил? Куда клонит Даниил? Что думают чехи и венгры? Надо срочно что-то предпринять, – князь ударил кулаком по ладони. – Попробую кое-кого собрать. Только объединенными усилиями мы сможем остановить врага.

Гулко загремели железные ворота, выпуская торопливых всадников.

Первым ответил Даниил. Ответ был кратким и ясным: «Прибыть не могу, в походе буду».

Тотчас в Чернигов полетел другой всадник. Ответ Великого князя был таков: «Если будет в походе мой враг Даниил, я не сдвинусь с места».

Приглашенные собирались медленно, задерживался и магистр. У Мазовецкого давно горел зуб поставить этого горделивого тевтонца на место...

Первым, как ни странно, явился от венгерского короля Власлова чешский воевода Ярослав Штернбергский. Он с первого взгляда производил приятное впечатление. Рослый, плечистый, с внушительной осанкой. Окаймленное густой вьющейся бородкой лицо выглядело мужественно и привлекательно. Чем-то он напоминал русского воеводу Сечу.

Усадив Ярослава, Конрад рассказал ему о русском воеводе и совместных с ним походах, о его сыне Аскольде и о той надежде, которую он возлагал на Козельск. Чех слушал внимательно, не спуская пристальных глаз с хозяина. На его горестные вздохи резонно заметил:

– Князь, этот русский городок своей самоотверженной обороной показал всему миру, что враг не столь уж силен и страшен.

– Так-то оно так, – задумчиво отозвался Конрад.

– Ты еще кого-то ждешь, князь? – спросил чех.

Тот кивнул.

Магистр прибыл не один. С ним был папский легат, лицо которого, обтянутое пергаментной кожей, выглядело изнуренным. Зато глаза, с хитрым прищуром, горели бушующим пламенем. Он тихим, вкрадчивым голосом произнес несколько слов молитвы и скромненько уселся подальше от хозяйских глаз. Но его большие уши на коротко стриженной голове ловили каждое слово беседующих.

Разговор вертелся вокруг восточных событий, когда слуга доложил о прибытии силезского герцога Генриха.

Стремительной походкой в зал вошел моложавый человек. Взгляд быстрых глаз безошибочно определил хозяина. Он легким, как равный с равным, кивком головы поприветствовал князя, затем других присутствующих. Конрад посмотрел на него с любопытством. Его он не приглашал. Надеялся, что Фридрих II пришлет своего личного представителя.

И почему-то думал, что им будет барон фон Брейтгаузен, с которым он через магистра был уже знаком. Надо признаться, их взгляды во многом совпадали, и князь втайне надеялся, что с бароном он договорится быстрее. Но... придется смиренно принимать этого человека. Он представил гостя присутствующим.

– Мы, Генрих, – пояснил Конрад, усаживая на всякий случай немца поближе к себе, – ведем разговор о падении русского города Козельска и о связанных с этим последствиях.

– Тема очень актуальна, – откликнулся тот, – ее сейчас горячо обсуждает вся Европа. Всех волнует один вопрос: что предпримет дальше этот варвар? Пока он брал русские города, Европа чувствовала себя относительно спокойно. Но с падением Козельска путь для татар остается один – на Запад.

Магистр ревнивым взглядом посмотрел на говорившего и как бы вскользь заметил:

– Есть еще и юг.

Герцог живо оглянулся на Германа фон Зальца.

– После Крестовых походов, оставивших больше пепелищ, чем обращенных в истинную веру заблудших, Батыю там делать нечего. Он, судя по результатам его деяний, далеко не дурак. Молниеносные взятия русских городов говорят о его силе и большом военном таланте.

– Однако военный талант варвара едва не померк, – заметил Ярослав.

– Вы имеете в виду оборону Козельска?

– Да.

– Я согласен с тобой, воевода, – усмехнулся герцог. – Местный князь – жаль, я не знаю его имени – показал непревзойденный военный талант и завидную храбрость. Досель никому не известный город сковал все силы татарского полководца! И каждому из нас понятно, что, окажи мы ему помощь, воинская слава татарской рати померкла бы под стенами этого города навеки.

– Вот поэтому-то мы и собрались, – вставил Конрад.

– Но я не вижу здесь главных заинтересованных лиц, – обвел присутствующих стремительным взглядом герцог.

– Ты имеешь в виду русских князей Михаила и Даниила? – уточнил Ярослав.

– Разумеется! – с пылом воскликнул тот.

Чех повернулся к Конраду. Тот понял, что от него ждут пояснений.

– К сожалению, это два непримиримых врага. Во всяком случае, Михаил заявил, что, если в походе примет участие Даниил, его ноги там не будет.

– Ну и дурак, – заключил темпераментный герцог.

Магистр поморщился.

– Я не понимаю, – не унимался Генрих, – зачем мы здесь собрались? Когда меня сюда направил император, я думал, что речь пойдет о помощи русским князьям. Я готов был это сделать. Мои воины ждут команды.

Молчавший до этого магистр, положив руки на подлокотники кресла, заговорил тягучим голосом:

– Герцог явно поторопился. Сегодня нет никаких сведений о местонахождении татарского воинства. И неизвестно, решится ли варвар на новые штурмы после наглядного урока Сечи.

Генрих с неприязнью посмотрел на говорившего. Его взгляд не ускользнул от Конрада. «Похоже, они ненавидят друг друга. Герман – верный слуга Ватикана, а герцог – императора. Но молитвами татар не остановить. А если они придут сюда? Этому может помешать Фридрих. Он же сам горячий сторонник борьбы с неверными. Именно он провозгласил, что пришел наш черед стать оплотом христианству против свирепого врага».

Мазовецкий приободрился и украдкой глянул на легата. Тот сидел, по-прежнему безучастный ко всему. Конрад расценил это как молчаливую поддержку его начинаниям.

– Дорогой магистр, – обратился князь к фон Зальцу, – ты в какой-то степени прав. Батый, скорее всего, уполз зализывать раны. Но мы обязаны во имя торжества христианства, соединив свои силы, выступить на помощь русским князьям.

Фон Зальц хмыкнул. «О себе печешься, князь», – подумал он.

– Князь, я согласен с тобой, – загорелись глаза у Ярослава, – мы должны выступить вместе и не допустить врага в наши земли. Если мы спасем русских, мы спасем себя.

Герцог с восторгом посмотрел на чешского воеводу.

Фон Зальц оглянулся на легата. Доселе сидевший молча, посланец вдруг заговорил:

– Дети мои, в ваших словах сквозит большая забота о нашей вере. И это очень похвально. Но вы не должны забывать, что, поклоняясь одному Господу Богу, мы идем к его истине разными дорогами. И наша главная цель, чтобы по дороге Ватикана шло как можно больше людей. За кем пойдет непросвещенный: за победителем или побежденным? – надтреснутый голос прелата смолк. Он, пытливо вглядываясь в каждого, сам ответил на свой вопрос: – Не будем делать победителем того, кто может заставить свернуть с истинной дороги вечно колеблющуюся паству. Господь Бог, – легат поднял вверх руку, – не простит таких деяний.

Конрад все понял. Тевтонец с ним не пойдет. Чувствуется, что смешался и чех: хотя сердце честного воина и зовет его на восток, разум вынуждает поступить иначе. «Сильна невидимая власть Ватикана, – подумал Мазовецкий. – И надо же было тебя сюда принести», – посмотрел он в сторону легата.

Тот ответил ему испытующим взглядом, и князь вынужденно улыбнулся.

Глава 5

Нестерка нещадно нахлестывал лошадь. Нагуленный степной конь легко нес двоих всадников. Князь Василий сидел впереди, и Нестерка старался своим телом прикрыть мальчика от возможного обстрела. А в голове стучали слова Аскольда: «...береги его пуще глаз». Нестерка его сбережет. Погибнет сам, но не отдаст князя в руки врагов. Однако всем своим существом молодой воин чувствовал, что враг близко. Козелец оглянулся. Черные мохнатые шапки мелькали сквозь ветви деревьев. Нестерка выдернул из колчана лук и следом услышал сзади чей-то душераздирающий крик. Стало легче: «Одним врагом меньше!»

Но в ответ запели вражьи стрелы. Одна, оцарапав ухо, вонзилась перед ним в ствол дерева, другая звякнула о кольчугу. «Только бы не в князя!» – Нестерка еще ниже склонился над Василием. И опять его выстрел. И опять крики. Это сдерживает врагов, но и озлобляет, они усиливают обстрел. Кольчуга спасает Василия.

– Скоро, скоро, Василек, мы уйдем от них, – шепнул Нестерка на ухо князю.

Но Василий вел себя достойно. Он только изредка благодарно поглядывал на своего спасителя, а рука крепко сжимала эфес детского меча.

Лес вдруг развергся глубоким оврагом. Нестерка успел натянуть поводья, и конь застыл над крутым берегом. Всадник метнулся было в сторону, но огромная сосна, неизвестно когда и кем поваленная, преградила дорогу. Рванул в другую, но оттуда навстречу уже неслись крики. Нестерка спрыгнул с лошади, подхватив князя. Стегнув коня, пустил его в лес, а сам с Васильком покатился с обрыва. Этот маневр отвлек преследователей. Те, не разобравшись в случившемся, бросились на лошадиный топот.

Изрядно помятые, козельцы на дне оврага вскочили на ноги и что было сил пустились наутек. Одним духом преодолели крутой склон и углубились в лес. Только там остановились, чтобы отдышаться. Нестерка первым делом осмотрел князя. Тот был целехонек, если не считать изорванной одежки да пары шишек на голове. Нестерка подмигнул Василию:

– Ничего, до свадьбы заживет.

В лесу было тихо, если не считать птичьего разноголосья. Нестерка огляделся. Лес здесь был редковат, хотя деревья росли необъятной толщины.

– Тут они, пожалуй, нас быстро отыщут, – сказал Нестерка. – Надо идти, но куда?..

Внезапно издалека донесся какой-то гул.

– Бежим! – вскинулся Василий.

– Не-е, – покачал головой Нестерка. – Они верхами, от них не убежишь.

– Тогда давай залезем вон на то дерево, – князь показал на кряжистый дуб, у которого ветви спускались почти до земли.

– А что, место и впрямь подходящее, – согласился Нестерка.

Беглецы вскарабкались на дерево и затаились. Через некоторое время они увидели всадников. Половцы ехали не спеша, вполголоса переговариваясь между собой.

– О чем они говорят? – шепотом спросил князь.

– Ищут место для привала.

Место нашлось под дубом, на котором затаились козельцы.

Попрыгав с коней, половцы бросились на прохладную, мягкую от прошлогодних прелых листьев землю.

Предоставленные сами себе кони разбрелись по лесу в поисках корма. Вскоре могучий храп наполнил дремавший лес.

– А что, если мы, пока они спят, – наклонившись к князю, зашептал Нестерка, – спустимся?..

– Возьмем их коней и отправимся к своим! – закончил за него князь.

Нестерка стал потихоньку спускаться вниз.

– Я тебе дам сигнал, – тихонько сказал он. – Подержи, а то мешает, – воин снял колчан, протянул князю.

Ухватившись за дерево, Нестерка прыгнул на землю, прислушался. Не обнаружив ничего подозрительного, махнул князю. Но тот, сделав неосторожное движение, нечаянно вскрикнул, и тут же какой-то половец поднял голову. Нестерка, выхватив кинжал, метнул его в половца. Путь был свободен. Они осторожно, на цыпочках, стали удаляться от опасного места.

Нестерке удалось изловить двух справных лошадок, и козельцы, отведя их подальше, заняли места в седлах. Они ехали до самой темноты, а лес все тянулся и тянулся. Нестерка отдал князю чудом сохранившийся у него сухарь. Хлеб был твердый как камень, но мальчик с таким остервенением набросился на него, что казалось, будь тот железным, и это не спасло бы его от крепких зубов парнишки. Расправившись с краюхой и облизав губы, Василий мечтательно сказал:

– Вот вернуся домой, скажу Ефимовне, чтобы каш разных наварила. Еще чтоб мяса нажарила...

– Эх, а я бы молочка с горячим хлебушком сейчас умял.

– Стой, – воскликнул вдруг князь, уставившись вниз, будто обронил гривну.

На земле четко виднелись конские следы. Нестерка соскочил с коня и принялся их разглядывать.

– Двое проехали, – сказал он и задумчиво огляделся.

Вон ствол дерева, похожий на гигантскую рогатину. Но что его так расщепило? Невдалеке – второе. Оно выгнулось, как спина старого побирушки...

«Да мы вроде уже проезжали здесь, – сообразил Нестерка. – Неужто заплутались? Точно, заплутались! Вот те раз! Мы же сейчас недалеко от того места, где повстречались с половцами. Они же могли...»

– Князь, – бросился он к Василию, – надо уходить!

И в этот момент раздалось дикое улюлюканье.

– Беги, князь, – крикнул Нестерка, обнажая меч.

Он с такой яростью набросился на врагов, что те от неожиданности поначалу расступились.

– Беги, князь! – снова душераздирающе прокричал он, понимая, что долго не протянет, и его меч замелькал с удвоенной энергией.

Первого половца, вознамерившегося было преследовать Василия, Нестерка рассек надвое. Тогда те, забыв о парнишке, дружно набросились на бесстрашного уруса. Нестерка краем глаза увидел, как все дальше мелькает среди редких стволов прижавшаяся к седлу маленькая фигурка, и его сердце забилося от радости: «Спасен князь! Аскольд, я выполнил твоё поручение!...»

Вдруг наступила тишина, и тело его приобрело невесомость. Кажется, он летит куда-то... Вот кто-то его окликает... Да это же Настенька! И Нестерка радостно протягивает к ней руки.

Глава 6

Расставание с Голом и его бесследное исчезновение с детьми вызывало огромное беспокойство, но, с другой стороны, порождало надежду на их спасение. Однако оставаться на месте было опасно, и Аскольд решил идти на Чернигов.

Лес в этих местах был свободен от валежника и мелкого кустарника, что и позволяло двигаться в выбранном направлении довольно ходко.

Внезапно путь отряду преградил глубокий овраг. Спускаться вниз было опасно, и Аскольд решил его обойти. Но не успели его воины проделать и десяти шагов, как наткнулись на странную примету: земля была подозрительно взрыхлена, словно кто-то готовил ее для посадок. Приглядевшись, Аскольд понял: она была взрыта... конскими копытами.

Сердце забилося в тревоге: половцы? О Господи, неужели они преследовали Гола?!

След привел отряд к дубу, под которым лежал мертвый половец. Кинжал по рукоять был вонзен в его грудь. Взгляд Аскольда задержался на этой рукояти. Она показалась ему до боли знакомой. Такая была у Нестерки! Он с силой выдернул кинжал и ахнул: «Точно!» Работу Еловата он всегда мог отличить от любой другой. Аскольд почувствовал, как похолодело в груди: «Только бы не... Господи!»

Неслышно подошла Всеславна.

– Аскольд, кто это сделал? – от нее не ускользнуло изменение в настроении мужа.

Если бы он мог ей ответить!

Аскольд приказал воинам рассыпаться цепочкой, и отряд снова двинулся вперед.

Однако вскоре раздались тревожные крики:

– Аскольд! Аскольд!

Подскакав, он увидел страшную картину. Всюду валялись трупы половцев, а посреди них лежал... Нестерка! Вот и ответ...

– Но где князь? – горестно вырвалось у Всеславны.

Первое, что пришло в голову: Василий попал в лапы врага! Но гора кровавых тел говорила о другом: Нестерка бился до последнего, прикрывая его отход.

– Он где-то здесь! – воскликнул Аскольд. – Он спрятался, и мы его найдем!

Однако тщательное обследование леса дало отрицательный результат: детских следов нигде не обнаружили. Это частично облегчало тяжесть в груди, хотя по-прежнему не давал покоя вопрос: что же случилось с Василием?

И Аскольд решил догнать половцев.

* * *

Курда был вне себя. Он впервые возвращался с пустыми руками. Как на это посмотрит хан? А тут еще и Буд исчез! Неужели он поймал мальчишку? Все, как-никак, военная добыча... А он возвращается ни с чем. Ой, не сносить ему головы!..

Вконец расстроенный, Курда забыл отдать приказ выставить на ночь посты.

А Аскольд шел ходко. Отряд в предчувствии предстоящего сражения заметно подобрался, готовый ринуться на врага в любую минуту.

– Они близко, – негромко предупредил Аскольд, взглядываясь в следы. – Конские копыта стали чертить длинные борозды. Верный признак – кони устали! Половцы скоро остановятся на привал.

И он не ошибся. Но прежде чем напасть, Аскольд разделил отряд на две части. Дружное и громкое «А-а-а!» подбросило половцев со своих мест.

Урусы рубили их безжалостно. Битва кипела жестокая. Успех переходил то на одну, то на другую сторону. Наконец, не выдержав натиска урусов, половцы бросились наутек. Впереди всех скакал... Курда.

В плен к Аскольду попал раненый половец. Перед смертью он признался, что видел мальчика, которого преследовал Буд.

– Это он! Это Василек! – зарыдала Всеславна. – Аскольд, скорее в дорогу! Мы должны догнать их и спасти брата!

Наверное, каждый воин отряда проникся к ней глубоким состраданием. Несколько дней, забыв об опасности и усталости, отряд рыскал по незнакомой земле. Но все было напрасно.

Всеславна видела, что Аскольд и его друзья еле держатся на конях. Да и бедные животные выглядели такими изможденными, что, казалось, вот-вот рухнут на землю.

– Все, – сказала она в один из дней решительно, – знать, не суждено нам его встретить. Будем держать путь на Чернигов.

Аскольд хотел было возразить, но она ласково остановила его:

– Не надо, милый. Я же вижу, что вы сделали все возможное. Остальное – в руках Господа.

Аскольд пристально посмотрел на жену, потом перевел взгляд на товарищей. Вздохнув, произнес:

– Хорошо, дорогая, будь по-твоему. Но, клянусь тебе, я отыщу этого Буда! Я его из-под земли достану, если он еще жив!..

Измотанный походом, отряд появился под Черниговом к обеду. Аскольд города не узнал: тот выглядел словно вымершим. Даже золотые купола, казалось, поблекли. Наглухо закрытые ворота, темные окна. На опустевших дорогах, колеи вдоль которых начали затягиваться свежей, яркой травой, – никаких признаков жизни. От города веяло страхом и обреченностью.

Аскольд постучал в ворота.

Чужаков долго не впускали, и лишь когда Аскольд назвал свое имя, черниговцы согласились открыть ворота. Но потребовали, чтобы отряд отошел подальше.

Князь Михаил, узнав, что в город прибыл молодой Сеча, тотчас приказал ввести его к себе.

Перед ним стоял знакомый и одновременно незнакомый человек. Первое, что бросилось в глаза князю: Аскольд сильно повзрослел. Это был уже не тот юноша, который с неугомонным молодым азартом носился вместе с ним на охоте. Михаил помнит, когда тот гонцом, преодолев все преграды, примчался к нему и горячо умолял помочь его городу. Но сейчас перед ним стоял муж. От всего его облика веяло какой-то непонятной несокрушимой силой. Такая же сила, помнится, исходила от его отца. «Крепкий корень», – с удовольствием подумал князь.

Он подошел к Аскольду и молча обнял его.

– Вот и довелось свидеться. Господь милостив, – сказал он и еще раз крепко прижал гостя к своей груди.

– Князь, – твердо сказал Аскольд, – я не один. Со мной отряд. Это все, что осталось от Козельска. Вели впустить моих людей в город.

– Да, да, разумеется! – заторопился Михаил и тотчас отдал команду.

Чернигов вдруг ожил. Народ высыпал на улицу встречать легендарных козельчан. Изнуренные, но гордые и непокоренные, те шли, устало улыбаясь и не ведая, что они – герои.

Их провожали до самых княжеских хором. У ворот отряд замешкался, и, воспользовавшись этим, Всеславна смешалась с толпой. Во дворе, куда вошли козельцы, Аскольд сразу обнаружил исчезновение жены и догадался, где она может быть.

«Не позволит князь кого-либо из нас обидеть», – решил Аскольд и тут же, во дворе, пока расходились на постой его воины, коротко поведал Михаилу, что стал мужем Всеславны. И попросил князевой защиты.

Михаил от всей души поздравил молодого Сечу с важным событием и дал твердое княжеское слово, что никому не позволит более обижать Всеславну. Потом лично отвел и показал Аскольду отведенные для молодых покои.

– Зови Всеславну, хочу попотчевать ее нашим скромным обедом. Вечером же желаю из твоих уст услышать обо всем, что случилось после нашего последнего расставания.

Глава 7

Ярослав Штернбергский ехал хмурый, в душе у него кошки скребли. Глубокая досада овладела им. С одной стороны, наконец-то нашелся человек, который решил объединить силы Европы, дать отпор наглому врагу. Помогая урусам, они спасли бы себя от страшной беды, которую может принести это дикое племя. Но его злило и приводило в недоумение поведение европейских владык. Сколько раз он обращался к королю, чтобы тот собрал под свои знамена европейское воинство и повел его в крестовый поход против татар. Угроза от них, считал он, для веры Христовой была гораздо опаснее, чем от каких-то далеких сарацин. Но его голос не достигал королевских ушей. И вот раздался глас Мазовецкого. Узнав об этом, он уговорил Власлава отпустить его к полякам, заручившись предварительно королевской поддержкой относительно предстоящего похода.

Так он искренне полагал, отправляясь на встречу, а на деле Мазовецкий оказался безвольным, нерешительным человеком. Ярослав не понимал, зачем он вообще их к себе созвал. «Черт возьми, – ругался он про себя, – я проделал такое расстояние, чтобы еще раз убедиться в пустословии своих господ?! И легат этот тоже хорош! Да как же папа не понимает: угроза сейчас нависла такая, что тут не новых почитателей Христа приобрести, а старых не потерять бы!»

Чувствовалось, что князь всего не рассказал. Ярослав уяснил одно: император и папа живут промеж собой как кошка с собакой... А мысли опять вернулись к Мазовецкому. Припомнилось их прощание. Сухое, колючее.

– Ты не останешься отобедать? – елейным голосом осведомился хозяин.

– Нет, князь. Надо торопиться. Боюсь, могут пожаловать непрошенные гости, – многозначительно ответил Ярослав.

– Я готов прилететь на помощь, – ехидно улыбнулся Конрад.

– Боюсь, она окажется такой же, как сегодняшний разговор.

Как Мазовецкого передернуло! Ничего, пусть знает, как попусту беспокоить людей. Хотя почему попусту? Очень даже не попусту, ведь он рассказал о Сече. Вот это воин! Вот с кем надо было объединить свои силы!..

– Ярослав, – прервали его размышления воины, – нас кто-то догоняет!

Воевода оглянулся. Действительно, на дороге показался небольшой конный отряд. Рука привычно легла на рукоять меча. Ярослав одернул кольчугу и поправил шлем, пристально вглядываясь в приближающихся всадников. Ба, да это герцог!

Он, пожалуй, единственный из присутствующих, кто оставил о себе неплохое впечатление. Генрих показался ему решительным, энергичным человеком, с кем, скорее всего, можно было бы иметь дело.

Герцог тем временем подскакал и, сдерживая горячего рысака, промолвил:

– Извини, воевода, что задерживаю тебя, но вынуждают обстоятельства. Мне по душе пришелся твой разговор с князем. Я понял, что ты на него в обиде за его нерешительность и уступчивость легату. Но я прошу: не суди его строго! Ты, я вижу, не посвящен просто в таинства дворцовых козней. А они порой наносят удары ощутимее, чем Батый.

– Мне, воину, известно одно: если появился враг, я должен его повергнуть, – жестко ответил Ярослав.

– Война идет не только на полях сражений, – гнул свое герцог. – Часто победа куется не на бранном поле, а именно в таких покаях, где мы сегодня встретились. Как думаешь, кто нам нынче испортил обедню?

– Легат!

– Точно. И, я уверен, он остался весьма недоволен твоим разговором с князем. Конрад хитер. Он не хочет вызывать на себя гнев властолюбивого папы.

– Мой король послал меня, чтобы объединить наши силы в борьбе против татар, – произнес воевода сердито.

Герцог хитро сощурил глаза:

– Но... татар нет.

– Они будут, – убедительно сказал воевода.

– Когда?

Чех пожал плечами.

– То-то, – торжествуяще подытожил силезец. – А сегодня папа опасается многих вещей. Ведя неослабную борьбу против моего императора, он боится любого союза, который, по его разумению, может быть в итоге направлен против него. Кроме того, он хочет распространить свою власть на восток, а для этого ему не нужны там сильные князья. Папа выжидает, когда в обоюдной борьбе обе стороны измотают себя, и тогда руками прелатов он легко захватит власть.

– Власть, власть, – зло процедил Ярослав. – Мне думается, многие русские владыки гнались за ней, не желая друг другу ее уступить, а в результате потеряли все. Неужели и мы уподобимся им? Неужели их горькая судьба ничему не научит наших правителей?

– Я согласен с тобой, – лицо силезца сделалось серьезным. – Если тебе не напортит этот легат, постарайся внушить своему королю о нашем с ним союзе. Если появится Батый, мы только вместе сможем его отразить.

– Я только и мечтаю о том, чтобы найти своему королю верных союзников, – горячо откликнулся Ярослав. – Сколько возможностей мы упустили! Князь рассказал о русском воеводе, который один почти два месяца отражал под Козельском Батыевы полчища! – и он живописно принялся рассказывать о Сече то, что поведал Конрад.

Герцог выслушал рассказ с неподдельным вниманием. Его красивое лицо стало суровым, а глаза в задумчивости устремились на восток. Где-то там, далеко, свершались героические события. Притихшая Европа, пальцем не пошевелившая для оказания помощи, теперь с восторгом и упоением отдает дань храбрецам, которые в одиночку встали на свою защиту своего города.

– Передай королю, что по первому же его зову я приду на помощь.

Ярослав склонил голову:

– У меня нет своего войска. Если мой король откажет тебе в просьбе, я приду один. Вот тебе моя рука.

Они обнялись. Прежде чем расстаться, воевода сказал:

– Пусть пример Сечи будет нашей путеводной звездой.

Глава 8

Получив заверения от Великого князя, Аскольд со всех ног пустился на розыск Всеславны. Хотя, как он и предполагал, долго искать не пришлось. Семья Меченного встретила гостя с распростертыми объятиями. Отец долго мял его своими сильными руками, а мать, утирая радостные слезы, принялась целовать в обе щеки. В стороне стояла брюхатая сноха. Она тоже смахивала слезинки. Может, приход Аскольда напомнил ей о дорогом ее сердцу муже, который сложил свою буйную головушку под стенами неведомого ей Козельска? Теперь у нее одна забота – родить поскорее сыночка и воспитать его таким же, каким был его отец.

Услышав громкие голоса, проснулась Всеславна. Долгие скачки и бессонные ночи сделали свое дело: пока обрадованные ее появлением хозяева собирали на стол, она, сев у печи на лавку, тотчас заснула.

– Надо же, – всплеснула мать руками, – я-то думала, бедняжка без просыпа до утра продрыхнет. А она, смотри-кось, плывет как пава. Вот что значит голос любимого!

Аскольд зарделся. Ему захотелось поднять Всеславну на руки и нести, прижав к груди, до самого княжеского двора.

Взявшись за руки, влюбленные не отрывали друг от друга взора. Наверное, они так и ушли бы, если бы не голос хозяина:

– Аскольд, Всеславна! Вы куда? Прошу отведать с дороги, что Бог послал.

Первой чаркой помянули сына. На миг показалось, что сейчас откроется низкая дверь и покажется его косматая голова...

Медок брал свое. Зажгло тело. Печаль отступила. Слово набирало силу.

С улицы донесся шум, залаяли собаки. Сноха выскочила наружу и тотчас вернулась.

– Княжеский посланец, – в испуге оповестила она.

Разговор за столом враз оборвался. В дверях появился старый знакомый Руальд. При его виде Всеславна побледнела. Минувшее встало перед глазами, и она что есть силы сжала руку Аскольда.

– Не бойся, я тебя в обиду не дам, – тихо шепнул он и поправил на привязи меч.

Хозяйка тревожно посмотрела на посланца, потом перевела взгляд на мужа. Зосим молчал, исподлобья глядя на княжеского дружинника.

Руальд, наверное, сразу оценил обстановку. Голос его прозвучал миролюбиво:

– Аскольд и Всеславна, князь ждет вас. – И, жадно поглядывая на стол, уставленный закусками, добавил: – К обеду.

Хозяйка встрепенулась:

– Отведай, дорогой гость, моего рукоделия! Зосим, а ты чего стоишь как истукан? Налей доброму дружиннику медка! Ой, и хорош у нас, Руальд, медок!..

После двух кубков Руальд стал не в меру словоохотлив. Он рассказал, как в хоромах готовятся встречать козельцев.

– Говорят, – он многозначительно посмотрел на Всеславну, – князь приказал беречь княж... прости, тебя, как зеницу ока.

Хозяйка вдруг заторопилась:

– Как бы князь не прогневался! Ступайте, дорогие гости!..

Когда они ушли, мать с облегчением вздохнула:

– Я так боялась за княжну! Видать, оттаял князь. Слава Те Господи, – и она перекрестилась на образа.

Действительно, встреча козельцев в княжеских хоромах была обставлена торжественно. Холопы от самого крыльца вели гостей, словно знатных бояр, а в гриднице их

встретили князь и княгиня и по очереди расцеловали вошедших. Княжна даже порывисто прижала к себе Всеславну, ревнивым взглядом попутно осматривая. Лицо молодницы выглядело усталым и слегка бледноватым, однако не потерявшим своего бывшего очарования.

Княгиня не могла не заметить, с какой любовью Всеславна смотрит на своего суженого, и у нее polegало на душе. Хотя досада все же царапнула: «Каким же дураком был Всеволд, упустив такую красотку, а вместе с ней и город! Впрочем, города уже нет... Но где же, интересно, ее братец, что с ним?»

Князь торжественно приблизился к Всеславне и надел на ее шею ожерелье из берилл-каменьев. Аквамарины в солнечном свете отдавали морской глубиной, притягивая игрой красок. Запястье княжны украсил золотой браслет из витых дробов. Это был подарок княгини. Так черниговские властители откупились за ранее причиненные мучения.

Княжеская чета усадила гостей рядом с собой. Бояре зашептались. Первый вопрос задала хозяйка. Он касался ее брата.

– О нем ничего не знаю, – ответил Аскольд. – Когда покидал город, он был еще жив.

– Что же стало с городом? – спросил князь и отхлебнул хренового квасу.

– И тут ничего не могу сказать, – Аскольд посмотрел на жену. – Но мне довелось видеть, что татары сделали с Москвой, когда от нее остались одни головешки. Боюсь, та же участь постигла и мой город, – взор молодого Сечи опечалился.

– В этих дикарях нет ни жалости, ни человечности. Не дай Бог, если они придут сюда, – вздохнул князь.

Аскольд оживился:

– Пока не поздно, надо кликать помощь. Когда нас позвали поляки, мы ведь откликнулись на их зов! Одним тяжело будет отбиваться...

Князь кивнул. Посмотрел на боярина Кобылу, не спускавшего взора со Всеславны. «Ох, хороша твоя женушка, Аскольд», – подумал князь и покосился на княгиню, оживленно о чем-то беседующую со Всеславной. Он невольно залюбовался обеими. И сейчас, несмотря на то, что была значительно старше Всеславны, его супружница выглядела прекрасно. Дворовые девки постарались, румян не пожалели, и она казалась моложе своих лет.

– Ты верно говоришь, Аскольд. Одному всегда тяжело, – согласился князь. – Признаться, Конрад недавно тоже присылал ко мне гонца с предложением объединить наши силы. Догадайся, кого он еще кликал?

– Может, того гордого самовлюбленного тевтона?

Князь рассмеялся.

– Скорее уж надутого, как петух, которого эти самые пруссы чуть не общипали, кабы не твой, светлая ему память, отец. Добрый был воин и лучший из всех воевода! Таких теперь на Руси не осталось. – Князь взял кубок и поднял его над головой. В гриднице все замерли. – Помянем, други мои, лучшего воеводу и доблестного воина Андрея Сечу! Сегодня его нет с нами. Мы не ведаем, где покоится его буйная головушка, но знаем, что он отдал свою жизнь за нашу Русь, за свою, политую кровушкой и потом, землю. Так пусть же она ему будет пухом, а героический подвиг его станет для нас всех мерилем любви к своему родительству.

Князь жадно, большими глотками осушил кубок. Обтер ладонью мокрые губы, обнял Аскольда за шею и звучно поцеловал.

– А ну! – зычно гаркнул Михаил и ударил пустым кубком об стол.

Подскочивший немедленно отрок наполнил кубок вином.

– Други мои, – опять заговорил князь, – воевода оставил нам не только славу своих деяний, он оставил нам еще и самое дорогое – доброго воина, своего сына, ратная жизнь которого только начинается. Так пусть судьба бережет его от вражеской стрелы, острого меча и злого языка! Во здравие нашего гостя и его прекрасной супруги!

Князь осушил очередной кубок. Княгиня осуждающе посмотрела на мужа. Тот только залихватски подмигнул ей и ударил Аскольда по плечу.

– Слушай, друг Сеча! – громко сказал он. – А ведь ты так и не отгадал, кого лях хотел навязать мне в товарищи. – И, не дав больше гостю подумать, ответил сам: – Даниила!

Имя было произнесено с таким остервенением, что даже не искушенному в жизненных передрягах Аскольду стало ясно: миру между этими людьми не бывать. Эта мысль сильно опечалила Аскольда.

– Князь, – проговорил он, – коли ты ценишь память моего отца, я хочу тебе напомнить: он всегда был за мир между вами, князьями. Он мне с детства внушал, что ссорящиеся князья, как бы ни клялись они в верности Руси, своими распрями приносят ей только вред. Поляк был прав, призывая тебя к миру с Даниилом!

Аскольд говорил, волнуясь. По существу, это была его первая речь в столь представительном собрании. Собравшиеся смотрели на него с удивлением, а некоторые – с явным одобрением.

– Мальчишка! Щенок! – взревел князь. – Ты кого учишь?! Сейчас же велю пороть тебя плетью! Эй, стража!

– Князь, – Всеславна вскочила и умоляюще заломила руки, – не вели этого делать! Аскольд, как и его отец, думает только о Руси и о ее благе. За что же ты велишь сечь его? За то, что он жизни не жалеет ради нее? Или, может, за то, что желает счастья твоему княжескому двору? Лучше уж отпусти нас, и мы уйдем с миром... И пусть позор не покроет твою голову.

Женщина говорила страстно и убедительно, красивые глаза горели неукротимым огнем. Но от дверей, гремя оружием, уже шли дружинники. Аскольд поднялся. Рука легла на меч. В ожидании развязки гридница словно вымерла.

– Милый, – раздался вдруг бархатный, нежный голос. Княгиня подошла к мужу. – Милый, – повторила она и провела ладонью по его щеке, – Аскольд – твой гость. И гость желанный. Усмири свой гнев. Он и вправду не хочет тебе зла. Прости сему еще зеленому мужу его дерзкие слова. Вспомни свою юность. Разве всегда ты был прав? Разве твои родители не гневались на тебя? Но они никогда не унижали твоего достоинства.

Стражники приблизились к столу.

– Прочь! – рявкнул на них внезапно князь. – Пошли вон отсюда!

Те, не понимая, в чем дело, в испуге кинулись прочь.

В гриднице облегченно вздохнули. Никому не хотелось, чтобы молва о поступке князя выплеснулась на улицу. Как бы, интересно, это расценил народ, который и без того чувствовал сильную вину перед козельскими братьями?

Выправил положение боярин Судислав Зима. Взяв со стола пустой кубок, он недвусмысленно громынул им и пророкотал:

– Князь, неуж в твоих погребях бочки опустели? Дак ты скажи, я тады велю свою прикатить. Иль, может, жадность обуяла? Ха! Ха! Ха!

Поскольку говорил он весело и добродушно, за столом раздалась смешки. Гридница постепенно приходила в себя.

– Ты что, Зима, мелешь? – возмутился князь. – Эй, отроки, живо несите вина!

Когда приказ был выполнен, вновь заговорил Судислав. Теперь голос его звучал чуть жестче, и он приковал тем к себе всеобщее внимание.

– Князь, изволь простить мою шутку. Знамо всем, что забиты твои амбары, полны погреба винами заморскими. Есть и русский медок, который валит с копыт.

Князь улыбнулся, гридница разразилась смехом. Подождав, когда все успокоится, боярин продолжил:

– Все это купится, все это сварится. Нельзя купить одного – честь! Мой дед так всегда говорил: «Честное здравствование – сердцу на радость». Не с камнем за пазухой пришел

к тебе Аскольд. Он принес славу земляков, чтобы с нами ею по чести поделиться. Но жжет, ты уж прости, князь, она наши руки, заставляет наши сердца обливаться кровью. Стоит ведь супостат и у наших стен...

– Ты к чему это, Судислав, клонишь? – перебил князь боярина. – Уж не винить ли меня в чем собрался? Ишь ты, второй Захарий выискался! Забыл, что мы тут гостей чествуем, а не совет держим? И никакой вины я за собой не чувствую! – Михаил грозно зыркнул на боярина.

Однако Зима, не испугавшись, продолжал гнуть свою линию:

– Вина, князь, у нас общая и простыми людьми не прощенная. Великая княгиня просила тебя простить младому Сече его дерзкие слова, но только в чем же их дерзость? От сердца, князь, они идут, от сердца. О нас печется сей юный муж. Поклон ему низкий за это. Беречь тебе надо, князь, таких людей, а не плетью махаться. Хитрец да льстец – хорошему делу конец. Аскольд, – боярин вышел из-за стола, – дозвожь голову склонить пред мужеством и отвагой земляков твоих. Прости нас, грешных, что в трудное время не оказались рядом! – Низко поклонившись, Зима вернулся на свое место и уже оттуда на всю гридню с вызовом бросил: – Да и Захария давно пора бы вернуть в город!

Черниговцы, присутствующие у князя, начали ехидно ухмыляться и переглядываться меж собой: дерзит, мол, боярин. Все знали, за что удален был Захарий. За то, что не заглядывал в рот своему господину. Вот прорывающийся порой буйный нрав князя и сослужил ему во вред.

Боярин Сворыга, громко выкрикивая слова, чтобы слышал Михаил, налетел на Зиму:

– Я тоже своей вины не вижу! Пойди мы на Батыя, все бы там пропали. А разве наши враги не лютей татар? Какая мне разница, кто лишит меня моего добра и живота: злой татарин или коварный князь Галицкий? Прав ты, Михаил, – заключил он, исподволь взглянув на князя.

Михаил же не удостоил его внимания. Он кашлянул в кулак, и все поняли, что князь хочет что-то сказать.

– Трудно мне сегодня говорить, други мои, если честно. Мне хочется соединить свои стяги с любым русским князем. Но я не желаю, чтобы новый Святополк вонзил мне нож в спину. Разве ты не помнишь, – князь в упор посмотрел на Зиму, – как Даниил осадил Чернигов, как бил тараном по стенам города? Разве мало я совал в его ненасытную пасть? Кто дал ему Перемышль? И как он отблагодарил меня? Как обошелся с сыном моим Ростиславом? Это не забывается. Это сидит вот здесь, – князь ударил себя в грудь. – Это Даниил виновен в том, что я не вывел свои полки против татар. Он и сегодня, прикинувшись ягненком, ждет не дождется, как бы лишить меня моих владений. Это он в сговоре с Владимиром пытался отнять у меня Киев. Так как же я, по-вашему, должен был поступить? У нас много врагов – куда ни повернись. И мне действительно нужны преданные, честные воины. Такие, как Аскольд... Я погорячился, сын мой, и надеюсь, ты не затаил на меня обиды. Я рад, что ты пошел в отца. Слава козельцам, показавшим врагу, на что способен русский человек!

Гридню дружно поддержала хозяйина. Выпив, все набросились на еду. Ели долго и жадно, отовсюду раздавалось громкое чавканье. Насытившись, боярин Кобыла, довольно рыгнув, отер жирной ладонью усы и попросил:

– Князь, дозвожь слово молвить.

Князь, не отрываясь от еды, махнул костью.

– Аскольд, – боярин важно повернулся к Сече, – а хотелось бы знать, где сейчас князь козельский Василий?

Аскольд метнул взгляд на Всеславну. Та опустила голову. Молодой Сеча поведал все как есть и заявил, что намерен немедленно ехать на поиск Буда.

– Это не простое дело, сын мой, обсудить надобно, – покачал головой князь.

Михаил поднялся из-за стола. Гости тоже повскакивали с мест. Он кивнул Аскольду и Всеславне и, обняв молодых за плечи, повел их в опочивальню.

Когда Аскольд и Всеславна остались одни, женщина перевела дух.

– Ну и князь, ну и прием! Да за что же он хотел тебя плетьюми-то, родной мой?

– Любимая моя, – Аскольд нежно обнял жену, – я очень благодарен тебе, что ты как тигрица бросилась защищать меня, но прошу тебя больше этого не делать. Хорош же я буду муж и воин, если не смогу защитить ни себя, ни свою дорогую и любимую женщину!

Он подхватил ее на руки, словно и не было усталости, и закружил по комнате. Всеславна заахала, умоляя скорее опустить ее, и Аскольд, исполнив ее просьбу и отдышавшись, вернулся к началу разговора.

– Князей трудно понять, дорогая, и я даже не хочу об этом думать. Скажу одно: Михаил сильно переживает, что не оказал нам помощи. Я, наверное, поступил не совсем правильно, взявшись учить князя. Видимо, во мне заговорили отцовские черты. Только он был воевода, а я пока – никто.

– Но ты прав, хотя еще и не воевода, – Всеславна наградила мужа зовущей улыбкой.

И эта ее улыбка сняла все остатки напряжения, пригласив в мир счастья и наслаждения.

Глава 9

Дикий крик русского «Беги, князь!» застрял в голове Буда. Он неплохо знал русский язык и понял, что означают эти слова.

Буд резко обернулся в сторону Курды. Тот продолжал яростно рубиться с русичем. «Не понял Курда, не понял, кого защищает этот урус». Сердце радостно забилося: «Князь... Мальчишка! Я возьму его сам! Меня ждет великая награда!» Еще раз взглянув на своего предводителя и увидев, что тот по-прежнему увлечен сражением, Буд незаметно оторвался от отряда и ринулся вдогонку за мальчиком.

Когда показалось, что добыча уже в руках, мальчишка внезапно развернулся в его сторону. В руках он держал лук.

Стрела пропела над ухом Буда. «Однако у этого змееныша есть зубки! – осадил коня половец. – Ничего, все равно изловлю».

Следующая стрела ударила в кожаную перевязь, на которой висела сабля. Не будь ее, валялся бы Буд сейчас посреди леса...

– Какой злой мальчишка. У-у, урусский змееныш, подожди, ты еще у меня поплачешь! Вот возьму тебя сонным, привяжу к хвосту своей лошади, и будешь бежать за мной, как собачонка. А я доберусь до Орнаса и отдам тебя за два... нет, за три динара, – беззлобно ворчал Буд.

Он решил больше не приближаться к юному всаднику, а просто ехать по следу.

Вскоре половец понял, что урус не знает дороги. Его конь явно брел куда попало. Буд начал опасаться, что мальчишка нечаянно наткнется на русское поселение. Тогда пропала его мечта... Стоп, кажется, впереди кто-то движется. Да это же урусы!

Буд хлестнул коня. Василий, услышав, что его снова преследуют, тоже принялся нахлестывать лошадь. Скачка продолжалась до тех пор, пока изморенная лошадь Буда не начала спотыкаться. Половец остановил коня и на всякий случай спрятался в зарослях. Он видел, что урусы остановились там, где следы раздваивались и вели в разные стороны. Урусы долго что-то обсуждали, а затем, к радости Буда, направились по старому следу мальчишки.

– Васи-и-илий, – кричали они, а лес отвечал им звонким эхом.

Заманчиво было вновь кинуться за мальчишкой в погоню, но некстати оказавшиеся здесь урусы спутали все его намерения.

Василий меж тем измотался вконец. Силы начали постепенно оставлять его. «А этот проклятый половец все не отстает. Что ему от меня надо? Где ты, Аскольд? Что стало с Нестеркой? Последнее, что я видел, это как враги окружили его. Но верный Нестерка дал мне возможность уйти. Он спас мне жизнь. А зачем она такая нужна?» – по лицу мальчика побежали слезы. Уже несколько дней во рту не было ни крошки. Он бы мог, конечно, подстрелить птицу или зверька, но ведь этот проклятый половец так и вертится поблизости...

– Я его убью, – решил Василий.

Поравнявшись с густым кустарником, он спрыгнул с лошади и пустил ее одну.

Половец ехал, пожевывая вяленое конское мясо. Он явно не ожидал кого-либо встретить. Вдруг в его бок словно вонзился сучок. Он глянул и обомлел. В боку торчала стрела! Буд тотчас выдернул ее и кубарем скатился с коня. И... «О Аллах!» – он увидел свою жертву. Мальчишка стоял в нескольких шагах с луком в руках.

– Ах ты, змееныш! – вырвалось у половца. – Сейчас я с тобой рассчитаюсь! – Зажимая рану одной рукой, другою он вырвал из ножен саблю и, петляя, прыжками бросился на мальчишку.

Еще одна стрела пронеслась мимо, слегка задев шею Буды.

– Ах ты, шакал! – взревел Буд. – Да не надо мне за тебя никаких динаров!

Вторую стрелу Василий достать не успел. Отбросив лук, он выхватил свой меч и едва успел отбить удар озверевшего половца. Но отбить второй удар мальчишеских сил не хватило – Василий упал.

Половец издал победный клич, однако с ним, видно, ушли и последние силы. Их хватило лишь на то, чтобы доползти до коня и взобраться на его спину. Буд оглянулся: мальчик лежал на спине, раскинув руки. Рассеченное саблей лицо было залито кровью.

«Надо бы отрубить голову и показать хану», – подумал половец. Но сил уже не было. Сабля валялась на земле, из раны в боку хлестала кровь. «Так сдохнет!» – решил он и тронул коня, уронив голову на его шею.

Глава 10

Батый ехал верхом и наслаждался ровной поступью коня, залихватской песней жаворонка, громкой трескотней кузнечиков. Воистину прав был мудрец, сказавши однажды: «Чем спокойнее путь, тем глубже мысли». Незаметно заполнили они и голову хана.

Пожалуй, он велит, как и его великий дед, построивший Хара-Хорум, заложить свой город. Пусть стоит века. Он прикажет собрать лучших мастеров со всего мира, чтобы украсить его. Но он не будет возводить никаких стен. Ибо и они не смогут спасти, когда придет время. Он знает это место. От крутого берега Итиля тянется ровная, словно разрубленная саблей, земля. Здесь он велит разбить свой шатер с выходом на восток. Он будет часто смотреть в ту сторону, где за прозрачной дымкой далеко-далеко несет свои воды река его детства. Пусть могучий Итиль напоминает ему непокоренный Орхон, а эта степь приносит запах его далекой суровой земли. Привольно здесь табунам. Пусть бродят они, недостижимые для воеводских слуг. Воевода! Никак не идешь ты, Сеча, из моей головы. Это ты остановил мое войско. Это тебе Котян должен кланяться в ножки. Но кто знает об этом?!

Хан не был далек от истины. Царевичи с жаром обсуждали происшедшее. Им было непонятно внезапное решение хана прекратить преследование этих презренных половцев. Ведь они лишились такой добычи!

Батый ехал и думал: «Какими разными бывают люди! Вот этот воевода. Жизнь отдал, но пощады не попросил. Батырь-человек! А этот жалкий князишка на все готов ради своей подлой жизни, ради власти. Неужели это власть делает человека столь низким? Интересно, а на что буду способен я, если окажусь вдруг на их месте?»

Батый уже встречал в жизни людей, предпочитающих смерть позору. Кто они? Почему они это делают? Как понять таких людей? А поняв, он и сам сможет, доведись, совершить подобный поступок. Но в то же время... «А если бы все были такими, как этот старик? – в дрожь бросило ан-Насира. – Сколько их еще осталось там, в Козельске?» Нет, он правильно поступил, что увел свое войско. Пусть говорят что хотят эти царевичи, пусть осуждают его. Встань на пути еще один такой воевода... Жаль, что не удалось захватить его сына. Как бы, интересно, повел себя отпрыск такого человека? Наверное, как говорил дед Батые, от хорошего жеребца надо ждать и доброго жеребенка. Доведется ли встретиться с этим «жеребенком»? Если б довелось, он бы его уже не выпустил...

И вот Итиль позади. Запестрела шатрами земля, покрылась табунами изголодавшихся животных, забыты походы, бородатые старцы, предсмертные крики, стоны раненых... Улетучиваются воспоминания. Мирная, казалось, жизнь пришла на эту землю.

Полетели в разные стороны на резвых конях ханские посланцы. «Дани, дани!» – требовали они. Баскак Кочева появился перед воротами Владимира неожиданно, как тать на дороге. Его сопровождали сотни две татарских всадников. Угрюмые, ничего хорошего не предвещающие взгляды. При малейшем подозрении хватаются за сабли или хлещут плетями.

Кочева нашел Великого князя Ярослава Всеволодовича у церкви. Тот, задрав голову, следил, как мужики крыли обгоревший купол. Татарин рукоятью плети ткнул князя в плечо. Ярослав резко обернулся, готовый достойно ответить нахалу. Но, увидев татарина, усмирил гнев.

– Не могу достойного гостя принять в своих палатах, – щека князя дернулась, – твои сородичи постарались.

Кочева кисло улыбнулся.

– Моя пришел сказать: «Хан, дай дань».

Ярослав усмехнулся:

– Ведомо, что не честить меня приехал. Но должен тебе сказать – что хошь делай, но пока ничего нет. Сам видишь, одна огарь кругом. Передай своему хану, чтоб дал время отстроиться. Людям негде голову приклонить. Все, что было, давно в сумах ваших или погорело.

Сорвался с места Кочева, точно ужаленный, пропела нагайка, и отряд умчался.

С тревогой посмотрел им вслед князь. И не зря. Не прошло и месяца, как пронесся слух, что в землях Владимирских появился большой татарский отряд. Боль сковала княжеское сердце. Ничего не оставалось, как склонить голову.

Сборы Ярослава были недолгими. Пришлось вывернуть карманы. На столе лежали подарки. Хану – золотое яйцо с камнями. Яйцо не простое. Внутри – цыпленок, а в цыпленке еще и яичко. Все – из чистого золота. Ханшам – браслеты, бусы и ожерелья из раковин да монет. Были монеты и так, россыпью. С тяжким вздохом сгреб князь все это в кожаную кису, перевязал ремнем и подал воину:

– Будешь беречь. Довезем – быть нашим людям в радости. Утратим – не сносить нам голов своих.

– Довезем, – прогудели дружинники, гуськом выходя из княжеской временки.

Прощаясь, присели перед дорогой. Княгиня постоянно вытирала слезы. Глаза ее выражали такую скорбь, что, казалось, она хоронит мужа живым. Отец Симеон басил:

– Ты смотри, князь, не ерихонься. Меч дубьем не перешибить.

– Так, так, батюшка, так, так, – кивала, соглашаясь, княгиня.

А тот продолжал:

– Смири свою гордыню. Умом татарву надо брать, только умом.

Князь, не мигая, смотрит на свежеструганную дверь.

– Легко сказать: смирись! А где наша русская гордость? Перед кем, скажи, отец, спину гнуть?

– Ярослав, – строго гудит Симеон, – будь осторожен. Завистливых людей развелось, как блох на блудливой собаке. Каждый норовит татарский случай в свою корысть обратить. Коль волен татарин живота лишать и властью оделять, слетятся к нему разные нечестивцы, как мухи на говно. Клеветой да лестью пытаться будут окрутить, чтоб выгоду себе поиметь. Таким, прости меня, Господи, гадам, – поп быстро крестится, – человека жизни лишить, что до ветру сходить. Прости, матушка, за слова окаянные.

По лицу Ярослава скользнула улыбка. Он посмотрел на жену, обливающуюся слезами, взял ее за руку:

– Успокойся, матушка. Ничего со мной не случится. Я не ворог себе. Да и вернуться мне надобно, город на ноги поставить. Андрею, вижу, не по плечу эта ноша, а Александру со шведами бы управиться. Вести от них идут тяжкие. Ярл Биргер силы против Александра собирает. На части рвут иноземцы Русь нашу...

Батюшка крепко сжал крест:

– Дьявол многими крутит. Увидала вражина слабость нашу, вот и задвигалась.

– Прав ты, отец. Смотри, ворогов-то сколько объявилось! Литва – и та под Смоленск пришла. Ну да ничего: вернусь, Бог даст, – посчитаемся.

– Не загадывай, тьфу, тьфу, – сплюнула княгиня.

– Пора, – Ярослав встал. – Благослови, отец, в дорогу.

...По прибытии в ханскую ставку два нукера повели князя Ярослава к хану под руки. Не поймешь басурман: то ли честь оказывают, то ли в полон берут. Всеволодович шел молча, послушно. Нукеры обвели его вокруг куста. Заставили кланяться солнцу, луне. Перед входом в ханский шатер пылали два костра. Сухие дрова горели с треском. Огонь вздымался высоко вверх, унося пепел. От этого казалось, что пламя помечено черными точками. Великий князь прошел меж кострами и склонил перед ханом голову.

– Не похоже, не похоже, – прошептал хан. Сердце возликовало, подобрело лицо. – Будешь старшим между всеми князьями в русском народе, – объявил Батый. – Теперь ханская воля точно на крыльях понесется по Руси.

Улыбнулся про себя князь. Вспомнился батюшка. «Я иду к тебе, отец!»

Глава 11

Аскольд проснулся только к обеду. В опочивальне он был один. Всеславна куда-то ушла. Он потянулся, но вставать не стал. Ему припомнилось вчерашнее происшествие, когда князь чуть не выпорол его плетью.

– Я бы не дался! – сказал он сам себе.

И тотчас же мысли закрутились вокруг Василия. «Надо найти Буда. Отыскать, если жив, Кыргая. Тот все расскажет. Жаль, нет ни гроша. Половцы на деньги падкие. У князя просить не буду. А с Кыргаем потом расквитаемся. Еду завтра», – решил он.

Когда в опочивальне появилась Всеславна, ее было просто не узнать. Хозяйка – заглаживая, видать, прежнюю вину – нарядов не пожалела. Одарила сарафаном небесного цвета, расшитым серебряной нитью, и выглядывающей из-под него алой рубахой, тоже украшенной дорогим шитьем. На голове у молодежи – сорока с кичкой кумачового цвета. Очелье шито золотом.

Всеславна гляделась столь прекрасно, что Аскольд поначалу не мог выговорить ни слова. Он смотрел на жену, будто видел впервые.

– Ты что молчишь, Аскольдушка? – раздался бархатный голосок.

– Не верится, что ты... моя жена. Я опять в тебя влюбился.

– А ты разве меня разлюбил? – спросила Всеславна кокетливо.

– Ни за что! – горячо воскликнул он и, вскочив с лежанки, прижал жену к груди. – Мы никогда с тобой не расстанемся! – прошептал он. – Никогда!

– Аскольд, ты что-то задумал? – подняла она на него свои прекрасные глаза.

– Завтра я уеду, – тяжело выдохнул Аскольд. – Искать Василия.

На лицо Всеславны легла тень. Она вздохнула.

– Я не знаю, что мне делать, – призналась она. – Мне очень жаль брата, но я не хочу отпускать тебя. Я поеду с тобой.

Аскольд выпустил Всеславну из своих объятий.

– Нет, дорогая, не женское это дело – конские скачки да боевые сраженья. Что обо мне подумает князь, его дружина? Нет. Я поеду один, – голос Аскольда посуровел.

– Хорошо, милый. Но мы столько дней провели вместе в седлах! Разве я не доказала, что женщина может сражаться не хуже мужчин?

– Да, – Аскольд принялся одеваться, – ты и в бою была прекрасна. Но сейчас, дорогая, нет необходимости подвергать тебя опасности. Тут поживешь. Я вижу, – он кивнул на ее наряд, – княгиня изменила свое отношение к тебе. А я скоро вернусь. И может, даст Бог, не один, – он многозначительно посмотрел на Всеславну.

Внезапно дверь открылась. На пороге стоял отрок.

– Князь зовет в гридницу, – быстро проговорил он.

Когда они вошли, князь не мог оторвать взгляда от прекрасной гостьи, чем вызвал ревность супруги.

– Князь, – едва сдерживая раздражение, сказала она, – налей-ка мне квасу.

Михаил схватил сосуд и, разливая содержимое по столу, наполнил кубок. Княгиня фыркнула и пригубила содержимое.

– Как спалось? – обращаясь к Аскольду, спросил князь.

– Спасибо, князь. Я вновь чувствую в себе силы, чтобы скакать на край земли.

– Есть необходимость?

– Да, князь. Завтра я намерен отправиться к половцам, чтобы найти Кыргая или Буда. Они должны знать, где мальчик, которого сопровождал Нестерка.

Отвечая, гость осмотрел стол. Сразу было видно, что поесть здесь любили. Стол был буквально завален всевозможной снедью. На огромных блюдах красовались дичь, рыба, мясо в виде запеченных ножек... В кувшинах – медок, квасы, разные другие напитки... От нарезанного огромными ломтями хлеба еще исходит печной запах.

– Так ты все же думаешь, что это был Василий? – продолжал князь, энергично двигая челюстями.

– Я надеюсь, что Гол увел всех ребят, в том числе и Василия. Гол скоро должен быть здесь. Но я не могу оставаться в твоём городе, пока не выясню, что с моим князем.

Такая забота о своём господине пришлась Михаилу по душе. Он одобрительно кивнул:

– Вот и подожди его. Ты же сам говоришь, что Гол скоро вернется.

– Сил ждать нет. Да и время сейчас опасное, всякое может случиться. А я не могу найти себе места, как представляю, что князь сидит где-нибудь в половецкой юрте и ждет, когда какой-нибудь Буд продаст его в рабство.

Князь обтер усы, отрок тотчас подскочил к князю и вопросительно уставился на него.

– Воды, – буркнул хозяин.

Взяв поднесенный кубок, он сделал несколько больших глотков. Отдышавшись, откинулся на спинку кресла.

– Если бы мальчонка был у Котяна, тот давно бы прислал гонца и заломил бы такой куш, что не приведи, Господи. Раз его нет, значит, и Василия там нет, – он посмотрел на княгиню, у которой уголки губ задрожали, и закончил, сладко зевнув: – И ехать туда не следует. Пойду-ка я, матушка, прилягу, что-то ко сну потянуло. – Он поднялся, с грохотом отодвигая кресло. – Я потом тебя кликну, – и посмотрел на Аскольда, уходя. – А пока отдыхайте.

Пропустив князя с княгиней, из гридницы вышла и чета Сечей. В проходе они неожиданно столкнулись с человеком, который показался им знакомым. Взгляд его, которым он обшарил козельцев, был страшен: глаза горели, как раскаленные угли, источая ядовитый пламень неостывшей мести. Человек быстро отвернулся и заспешил прочь.

– Путша, – тревожно произнесла Всеславна.

– Не тревожься. Князь не даст нас в обиду, – успокоил Аскольд.

– И все же мне стало страшно, – призналась Всеславна, тесно прижимаясь к супругу.

Да, это был он, Путша, верный слуга княгини. Он вскоре вернулся. Убедившись, что никого нет, заспешил в ее опочивальню.

– Тебе чего? – строго спросила княгиня, подставляя девкам руки, чтобы они стянули с пальцев украшения.

– Да... тут... эти, – залепетал верный Путша.

Княгиня сразу поняла, о ком речь.

– Глаз с них не спускай.

Голос, каким она произнесла эти слова, ободрил Путшу.

* * *

Аскольду отдыхать не хотелось, и он решил навеститься к Зосиму, расспросить, не знает ли он, как добраться до половцев. Выходя из ворот, он нос к носу столкнулся... с Зубом.

– Неуж Аскольд? – неуверенно вымолвил тот, от неожиданности отступив на несколько шагов.

– Зуб?! – Сеча бросился к другу, крепко заключая его в объятия.

Они не слышали, как за воротами загремели засовы.

Когда прошли взаимные бурные проявления чувств, Аскольд рассказал о событиях, свидетелем которых был. Козелец, в свою очередь, поведал о своих мытарствах, когда их

дорогой повязали, привезли в Чернигов. Там по приказу княгини он был сослан со своими дружинниками в Бабышевский починок. Злодей Путша, приставив к ним злую собаку Еливферия, не спускал с них глаз.

– От цепей, вишь, руки какие стали? – Зуб оголил запястья, они сплошь были покрыты рубцами. – Как татарва появилась, гонец прискакал, велел в Чернигов вернуться. Сейчас в дружину берут, – хмуро закончил он разговор.

Они помолчали. Скрип приближающегося возка заставил посмотреть на дорогу. Какой-то мужик вез дрова. Аккуратно сложенные поленья горой возвышались над лошады. Хозяин, бросив вожжи на лошадиный круп, вышагивал степенно рядом. Остановившись перед закрытыми воротами, он вразвалку, окинув незнакомцев испытующим взглядом, подошел к ним и изо всех сил стал наяривать каблуком.

– Эй, отоприте! – орал он.

Но двор молчал.

– Спят, – проговорил мужик, взглянув на небо. Достав из-за пазухи краюху, присел у ворот и жадно принялся ее уписывать. Расправившись, собрал с подола крошки и забросил их в рот.

– Откуда будете? – спросил он безразлично, скорее всего – чтобы скоротать время.

– А мы козельские, – ответил Аскольд. – А сам чей будешь?

– Я тутошний. Извозчик. Я с купчишками, знаешь, сколь исколесил? В Естерхоме бывал, в Мишкольце, Сандомеже, Царьграде... Да разве все упомнишь, – мужик говорил важно, чувствуя свое превосходство. – А Козельск жаль город. Бывал я там. Лютый на вражину был там воевода. Половцы пуще огня его боялись.

Упоминание о половцах надоумило Аскольда расспросить о них мужика:

– Скажи, мил человек, как до половцев добраться?

– Никак туды собрался? Татарва все пути перерезала.

– Шибко большая нужда гонит. Если можешь, подскажи!

Тот увидел интерес козельца, стал было рассказывать, но тут скрипнули ворота. Увидев, что они отворяются, мужик замолк.

– Парень, кобыла у меня не кормлена. Если хочешь дальше послушать, спросишь Ивана Шигу. Всяк знает. Но! – крикнул он и дернул вожжи.

Когда воз въехал в ворота, Зуб спросил:

– Неужто и впрямь в гости собрался? Что за нужда такая?

– В гости, – с болью ответил Аскольд и рассказал о Василии.

– Тогда я с тобой.

Глава 12

В это время на Балтике обычно стоит хорошая погода. Но этот год нарушил все традиции. Уже несколько дней как жесткий северный ветер гнал низкие тучи. Они свинцовой тяжестью нависали над морем. И, кажется, где-то там, у горизонта, навалились на него и пытаются, как злодею, скрутить руки. А оно бунтует, надеется. Угрожает. Тяжелые волны, как кувалдой, остервенело били по песчаному берегу. В такую погоду лучше всего сесть поближе к камину, к печи и наблюдать за бесконечной пляской огня, слушать его незамысловатую музыку.

Однако нашелся человек, который какой уж день стоял у кромки берега и не спускал глаз с горизонта. Он не обращал внимания, когда какая-нибудь волна, разыгравшись, окатывала его ноги. Этим человеком был владыка Кульманской земли Герман фон Зальц. Он явно кого-то ждал.

Наконец над волнами еле различимо заплескала какая-то точка. Она росла, превращаясь в туго натянутый парус. Под ним, ловко карабкаясь с одной волны на другую, двигалась ладья. Вглядевшись, фон Зальц узнал эмблему на парусе и подал сигнал. На берегу тотчас вспыхнул огонь.

Нос ладьи лег на заданный курс. Когда она с громким шелестом врезалась в песчаный берег, на землю прыгнул человек. Он был с головы до ног закутан в черное одеяние, из-под которого угрожающе выглядывал длинный меч.

Магистр шагнул ему навстречу. Они обнялись. Слуги подали коней, и фон Зальц со своим таинственным гостем понеслись в сторону Тевтонского замка. Правда, перед тем как пришпорить коней, Генрих оглядел местность. Она была пустынна. Лишь какой-то бедняк удил рыбу в устье Вислы.

Достигнув замка, фон Зальц лично провел таинственного гостя в его покои. В замке было тепло, и гость тотчас почувствовал, как нега охватывает его. Однако он усилием воли преодолел соблазн и, сменив мокрое платье на сухое, тотчас дал знать, что готов вести переговоры.

Магистр пригласил его в Малую залу. Это было уютное помещение, отделанное в восточном стиле. В центре находился богато сервированный на две персоны стол. Гость удовлетворенно крякнул.

Утолив с дороги голод, гость первым начал разговор:

– Я получил, магистр, твое приглашение и, как видишь, нахожусь перед твоими глазами.

Фон Зальц поиграл тяжелой цепью на груди, концы которой венчались массивным крестом.

– Да, брат мой, подошло время, когда мы можем осуществить нашу великую миссию, – и он начал пространно говорить о новых крестовых походах.

– Твои мысли, дорогой магистр, созвучны в некоторых моментах с желанием папы. Вот его послание, в нем ты найдешь подтверждение твоим словам.

Фон Зальц неторопливо протянул руку и принял желтоватый плотный лист бумаги, свернутый в трубочку. Неторопливо развязал шелковые концы крученых нитей и развернул послание. Окончив читать, он аккуратно свернул послание и вернул гостю. Тот молча принял, не спуская испытующих глаз со своего собеседника.

Магистр помалкивал, и гость почувствовал себя неловко. Чтобы как-то скрыть это состояние, он взял бокал и отхлебнул несколько глотков. А Герман думал о том, что папа, верный себе, не видел главного – как решать эту проблему. Мечом? Но меч нужен для другого. Где-то на далекой Черниговской земле в смертельной схватке сошелся козельский вое-

вода с несметными Батыевскими полчищами. Что же ему, магистру, надо было делать? Идти, как призывал германский император, в поход на татар и помочь воеводе? Кстати, которому фон Зальц обязан тем, что сидит сейчас и беседует с этим знатным гостем. Но пока не желает возвышения русских князей. Наоборот, его больше бы устраивали их взаимные претензии, междуусобице. Вот под этот скрежет мечей он и хочет прибрать их к рукам. Что ж, вполне резонно, если бы не татары. Не устоял козелец. Кто теперь может остановить это дикое воинство? А он, папа, толкает на другое.

У магистра помимо воли вырвался вздох:

– Выполнить рекомендации папы очень сложно.

– Отчего? – оживился с гость.

– Татары, – одним словом ответил хозяин. – Они заставляют объединяться даже бывших врагов. Недавно князь Мазовецкий, напуганный движением татар, попытался собрать у себя многих своих соседей. Не все откликнулись на его зов. Не все в Европе осознают эту опасность. Но некоторые из тех, кто явился, я не поверил своим глазам, были заклятыми врагами! Сколько раз князь скрещивал мечи с герцогом Силезским из-за своего племянника! Но тут молодой герцог показал пример мужества и благоразумия. Отбросив старые отцовские обиды, явился по первому зову князя. Он, молодой правитель, чувствует смертельную опасность.

– Татары... – каким-то пренебрежительным тоном произнес гость. – А не преувеличивает ли их опасность дорогой хозяин?

Магистр, словно проверяя, хорошо ли выбрит, несколько раз прошелся ладонью по щекам.

– Один за другим пали многие русские города. Не устоял и Козельск.

– Козельск? – переспросил гость. – Что-то не слышал о таком.

– Да, Козельск. Хотя его оборонял один из умнейших воевод, которых мне довелось встречать.

– Но татары, как я понимаю, ушли. Кстати, вам известно что-нибудь об их местонахождении?

Хозяин отрицательно покачал головой.

– Вот видишь, магистр. Батый убежал зализывать раны. А они могут быть и смертельные, – на лице гостя заиграла улыбка. – Лучше нам подумать о своих делах. Скажи мне, остались ли на Руси сильные князья?

– Сильные есть, – фон Зальц сдержанно усмехнулся. – Даниил, князь Галицкий, Михаил – Черниговский князь. Но они боятся друг друга хуже Батыя.

– Прекрасно! – воскликнул гость. – Ничего лучшего и пожелать нельзя для осуществления давних намерений папы, которого я поддерживаю всей душой. Обращаюсь к тебе как к Христовому воину и призываю тебя к крестовому походу на восток. Мы должны осчастливить этих людей, даже если для этого придется обнажить мечи. Ждать нельзя, – голос гостя набирал силу. – Русь раздроблена, разбита. Нам надо подобрать оставшиеся осколки. Вместе, магистр, вместе пойдем на Псков и Новгород! В Новгороде правит мальчишка. Магистр! Всевышний не простит нам, если мы не исполним Его волю. Эти люди, получив нашу веру...

«И землю», – усмехнулся про себя магистр.

– ...поймут наконец, какое счастье выпало на их долю. Закрепившись, мы с удвоенной силой сможем начать освобождение их братьев. А если, магистр, выступим вместе, нам будут не страшны никакие татары.

«Русских ты уже преодолел, – не без ехидства подумал Герман. – Плохо ты их знаешь. Вот пойдешь на Новгород, посмотрим, как ты справишься с этим мальчишкой. Но идти

придется и мне. Не могу отказать ему в уме. Время выбрал подходящее. Отставать негоже, как бы с носом не остаться».

– Мне думается, – продолжал увлеченно заморский гость, – папа будет очень доволен таким поворотом событий...

«И поддержит твои притязания на трон, – мелькнуло в голове фон Зальца. – Ну и аппетит у тебя... Да-а, дружок, палец в рот тебе не клади...»

– И мы положим к ногам папского престола новые земли, на которых восторжествует истинная вера.

– Прекрасно! – магистр взял в руки кубок. – Я хочу выпить за истинных Христовых воинов. Пусть услышит папа твой звенящий голос и воздаст тебе должное. Да поможет тебе Господь!

Они осушили бокалы. Выдохнув, заморский гость спросил:

– Как я понял, магистр, ты одобряешь мои намерения и готов их поддержать.

– Я всегда готов биться, чтобы нести истинное слово. Но не всегда пути, которыми мы идем, отвечают нашим пожеланиям, – произнес фон Зальц.

Гость ответа не понял: «Идет или не идет тевтонец?» Он хотел было спросить его об этом напрямик, но дверь внезапно отворилась, и вошел юноша. Лицо магистра просветлело.

– Мой племянник Рудольф, – представил прибывшего хозяин. – А это – ярл Швеции Биргер аф Бьельбо Фолькунг.

Биргер и племянник любезно раскланялись.

– Дорогой Рудольф, – продолжал магистр, – Биргер аф Бьельбо хочет совершить прогулку по улицам Новограда. Нет ли у тебя желания составить ему компанию?

Юный рыцарь непонимающе посмотрел на дядю. Зато его хорошо понял швед. «Ясно, магистр отвергает совместный поход. Что ответить папе? Может, словами же Германа: “Не всегда пути отвечают желаниям”? Пусть Иннокентий сам догадывается об истинных намерениях тевтона. Он очень скрытен. Похоже, мое предложение о совместном походе его насторожило. Откуда взялся этот увалень? – он раздраженно взглянул на тяжелое лицо Рудольфа. – Только помешал разговору, не дал побольше выведать о намерениях тевтонца».

– А где твоя сестра? – живо поинтересовался фон Зальц.

– Сейчас будет. Где-то задержалась.

«Отличный повод уйти от разговора. Но я не уеду, пока не добьюсь чего-то конкретного», – отметил про себя ярл.

– Почему быстро вернулись? Что, в Добжине плохо встретили? – продолжал расспрашивать племянника магистр.

Но Рудольф не успел ответить. Дверь с шумом отворилась, и в комнату ворвалась Маргарита. Со свойственной юности энергией она бросилась к своему дяде. Однако, заметив чужого человека, остановилась как вкопанная.

Ярл взглянул на нее. Их взгляды встретились. В груди сурового воина полыхнуло огнем. Девушка в смущении опустила голову.

– Я попозже зайду, – сказала она и легко выпорхнула за дверь.

Лицо гостя порозовело. Пергаментное лицо магистра собралось в складки.

Глава 13

Князь сдержал слово. Отоспавшись, Михаил спустился во двор и велел отроку вылить на спину ушат колодезной воды. Он долго отфыркивался, энергично потрясая головой, а затем, не вытираясь, натянул на мокрое тело рубаху.

– Позови Аскольда, – приказал он юноше, направляясь в гридню.

– Ну, садись, – приказал он вошедшему козельцу, в его голосе звучала доброта. – Сказывай, как ты хочешь отыскать своего половца.

– Есть тут один человек, Иван. Он знает дорогу, – уклончиво ответил Аскольд.

– Ха! Ха! – рассмеялся князь от души. – Иван знает. А знает ли твой Иван, что их давно нет в половецких степях? Батый их прогнал.

Душно было в гриднице. Князь вспотел.

– Эй, – гаркнул князь во все горло.

Появился отрок.

– Принеси хренового квасу! Холодненького, – добавил он пареньку, который опрометью бросился исполнять команду.

Вскоре отрок притащил два кувшина.

– Князь, – сказал он, переведя дух, – здесь водица, зубы ломит, а это квас, как ты велел.

– Налей водицы.

Отпив несколько глотков, Михаил довольно крикнул:

– Хороша-а! Хочешь? – спросил он у Аскольда и показал на кувшин.

Аскольд отказался, хотя жажда и его начала мучить. Князь несколько раз принимался за братину. Напившись, он вернулся к разговору. Голос его посуровел.

– Беда большая, если мы не отыщем мальчика. Молодец, что хочешь это сделать. Деньга у тебя есть?

Увидев, что Аскольд горестно покачал головой, князь произнес:

– Не горюй. Я пособлю. К половцу без гроша, как к купцу, ходить нечего. Дам тебе и дружинников.

Аскольд решительно возразил:

– Нет, князь, воины тебе тут нужны. Думаю, лучше идти налегке. Из своих Кулотку возьму да, если позволишь, Зуба.

Михаил посмотрел в открытое окно. Оно выходило во двор. Там уже появился народ. Кто колол к вечеру дрова, кто подметал двор.

– Половцы навряд ли бежали к венгерскому королю Владиславу, – вернулся к разговору князь.

Аскольд удивился:

– Так что, Батый от нас пошел на половцев?

– Так рассказывают. Сам Котян ко мне гонца не посылал. Но я велю написать ему грамоту. Передашь ему. Хочу просить его, чтобы оказал тебе помощь.

– Премного буду благодарен, князь, – склонился Аскольд. – Только как я ему отдам?

Михаил махнул рукой:

– Это дело простое. Подожди, уж не послать ли мне с тобой боярина Зиму? Мужик он тонкий. У хана бывал.

– Просил бы, князь, этого не делать. Если бы точно знать, что это был Василий, другое дело. И боюсь, если хан узнает, что у него наш князь, всякое может сотворить.

У Михаила на переносье сошлись брови, и он как-то по-особенному посмотрел на юношу:

– А что, ты, пожалуй, прав. И Зиму я с тобой не пошлю. Но поедешь ты с купчиной Путяттой. Он должен не сегодня завтра отбыть. У него с венграми дружба. От них я просил его привезти оружия. Может, успеет до татар обернуться, – князь вздохнул.

– Может, не пойдут, – предположил, чтобы как-то успокоить, Аскольд.

– Может, и не пойдут, – охотно согласился князь. – Твой отец, слава ему, здорово, видать, намял татарину бока. Да... надо было тогда, когда ты был здесь, и мне ударить по нему. Но бывшее не вернешь. Господь определил нам нашу участь. Людей у меня бери, кого хошь. Ты говорил о Зубе? Бери его. Думаю, он добрый воин.

От князя Аскольд бросился к Зосиму. Отец Меченного, услышав от Аскольда решение князя, потащил его к купчине.

Тот сидел на крыльце, навалившись на стену плечом. Плоская крыша с козырьком отбрасывала на ступеньки спасительную тень. Он дремал, но, заслышав лай кобелей, открыл глаза. Увидав, как Зосим с каким-то парнем отбиваются от злющих собак, тотчас заорал на них. Кобели разбежались, издавая грозное рычание.

– Ну и псину же ты развел, – Зосим опустил рядом. – Доброму человеку проходу нет.

– Кабы были одни добрые, в кобелях и нужды не было бы. С чем пожаловал, дорогой гость? А это кто с тобой? Постой, не сын ли воеводы?

– Точно! Узнал-таки. Востер еще твой глаз.

Купец довольно фыркнул.

– Не только глаз, ха, ха, – он покосился на Аскольда.

Зосим понял:

– Он тоже мужчиной стал.

– Не на княжне ли?

– Точно.

Купец поднялся. Спустился с крыльца к Аскольду.

– Молодец, парень, – он ударил того по плечу. – Это по-моему. Сказано – сделано. Побился ты за нее изрядно. Чем сильнее борьба, тем глубже любовь. Поверь, молодец, нет ничего дороже. Любое богатство променял бы за свое счастье.

– Полно, купец! – рассмеялся Зосим. – У тебя добра полны короба, вот ты язык и чешешь. А доведись чего – за грош удавишься. Знаю я вашего брата.

Купчина оставил Аскольда, поднялся по ступенькам и остановился напротив Зосима.

– Что ты знаешь? Знаешь ты одно. А заглянул бы сюда, – он ударил ладонью по груди. – Ладно, – махнул он рукой, – зачем пришли? Выкладывайте.

Зосима не пришлось упрасивать:

– Слыхивал, что ты к венграм готовишься?

– Уж не со мной ли собрался? – удивленно посмотрел на него купчина.

– С тобой. Только не я – он. Дело у него неотложное, – Зосим кивнул на Аскольда и добавил: – Расскажи ему.

Рогович слушал внимательно.

– Опасна твоя затея, парень, – заговорил купец, выслушав юношу. – Люди эти коварны. Если половцы почувствуют запах наживы, они ни перед чем не остановятся, чтобы ею завладеть. Они князя тебе за так не отдадут.

Аскольд запротестовал:

– Я не собираюсь им говорить, кто этот мальчик. Мне необходимо узнать, где он, жив ли? А там видно будет.

Путята снисходительно улыбнулся:

– Почему ты думаешь, что малец сам об этом не расскажет?

Купец озадачил Аскольда. Вмешался Зосим:

– Прав Аскольд. Сначала выясним, жив ли Василий, а потом будем решать, что делать.

– Ну что ж, собирайся, – купец потерял бороду. – Дней через пять выходим. Только уговор: никому ни слова.

– Через пять дней? Я ждать не могу! Пойми меня, Путята, – воскликнул он. – Князь, мальчик, в плену! Он может погибнуть. Ты же отец. Неужели у тебя очерствело сердце? Тогда я пойду один!

Наверное, страсть, с какой были произнесены эти слова, заставила купца как-то по-особенному взглянуть на юношу.

– Эх, была не была – завтра в ночь выступаем. Обозы увязаны, впрягай лошадей да езжай потихоньку. Завтра сходим в церковь, помолимся на дорогу, а ночью тронемся с Богом. Только, чур, никому ни слова.

На прощание купчина напомнил Аскольду:

– Грамоту и деньги ты у князя возьми. Они могут сослужить хорошую службу.

Путята выполнил обещание. На следующую ночь обоз, как только утомился Чернигов, тронулся в путь. Возглавил движение сам Путята. Рядом с ним ехал уже знакомый Аскольду Иван Шига. Они о чем-то переговаривались, но Аскольд, приотстав, не слушал их разговора. Он погрузился в свои думы: «Где сыскать Буда или Кыргая? Что делать с грамотой князя? Если сразу вручить, он может отправить меня тотчас назад. Просить у хана помощи? Но не навредит ли моя просьба мальчику? Что делать?» Аскольд решил обсудить эту проблему с Путятой.

– А я тоже об этом думаю, – признался тот. – Мне многие знатные половцы знакомы. Можно попросить их. Они не откажут.

– Но не вызовет ли это у них подозрение? – спросил Аскольд.

Купец задумался.

– Ты прав. Все может быть. Этот народец скользкий. А как твой знакомый... Кыргай? Он надежен?

Аскольд пожал плечами и неуверенно произнес:

– Вроде. Но выбирать не приходится. Других я не знаю.

Дорога, если можно было так назвать узкий, меж скал проезд, в этом месте круто пошла вверх. Купец спешил.

– Надо помочь поднять возы, – пояснил он.

Подшли возы. Они поочередно сопровождали их до перевала, изрядно попотев. Когда был поднят последний воз, Аскольд, переводя дух, заметил:

– Ну и дорогу ты избрал, Путята, не доведи Господь.

– А чем она плоха? – купец отер пот. – Зато кому придет в голову, что здесь могут пройти обозы? Так-то, дружок, простая хитрость. Иди я иной дорогой, сколько бы потребовалось дружинников! Князь за них как липку меня ободрал бы. Знаю я их... Да, признаться, и они не всегда спасают. Присядем, переведем дух, – предложил купец, опускаясь на камень.

Рядом с ним скала резко обрывалась. В зияющей пропасти глубоко по дну бежала речушка. Ее журчание, подхваченное эхом, вырывалось наружу, как рык дикого зверя.

– Садись, – показал купец на камень рядом с собой.

Какое-то время он сидел молча, низко опустив крупную косматую голову. Его сильные, мускулистые руки безжизненно повисли на коленях.

– Пора, – сказал Путята и решительно поднялся. – Сейчас будет спуск, а он хуже подъема.

Они догнали обоз, когда дорога начала круто спускаться вниз.

– Эй, Иван, – крикнул купец, – клинь колеса!

– Знаю, – донеслось откуда-то сверху.

Аскольд увидел, что обозники вставляют жерди между спицами.

– А это еще зачем? – любопытствовал он.

Купец усмехнулся:

– Бросай свои бранные дела и давай со мной торговлишкой займись. Людей будешь радовать, а я тебя таким премудростям научу, век благодарен будешь.

– Колеса не будут крутиться, и возы легче спускать, так? – козелец сам нашел ключ к разгадке.

– Точно, – подтвердил Путята и пошел вперед, придирчиво оглядывая возы.

Он вернулся к прерванному разговору, когда обоз, после долгих мытарств спуска, очутился наконец на ровной местности, представляющей собой долину, заросшую густым кустарником. Миновав его, обоз вышел на берег небольшого искрящегося озера. Купец, упав на колени прямо в воду, принялся жадно утолять жажду.

Наконец Путята поднялся. Зачерпнув ладонью воду, брызнул себе на лицо. Заметив, что Аскольд лежит под кустом, подошел к нему и повалился рядом. Он лежал какое-то время молча, потом вдруг сказал:

– Вот что я думаю, Аскольд...

– Ты о чем, Путята? – не понял козелец.

– О тебе. Сделаем так. Ты едешь со мной. В Эндеруме я быстро продаю товар, покупаю оружие, и мы направляемся к хану.

Аскольд живо поднялся:

– Нет, Путята, столько я ждать не могу. Я чувствую, что мы скоро пересечем горы. А там до них рукой подать. Если я у татар не пропал, то и тут как-нибудь постараюсь не угодить им в лапы.

Видя, что козельца не уговорить, Путята спорить не стал.

– Давай так договоримся, – сказал купец, – впереди еще предстоит трудная дорога. Как одолеем, тогда и решим.

Аскольд согласно кивнул.

Глава 14

Боярин спал, повернувшись лицом к стене. Он тяжело, прерывисто дышал. Воздух вырывался из его груди с клекотом и присвистом.

Князь Даниил Романович осторожно опустился на сиделец у изголовья и дал знак службе, чтобы те не беспокоили больного.

Даниил сидел и смотрел на знакомый широкий плешивый затылок. Ему вспомнилось, как боярин Мирослав, нимало не заботясь о себе, пришел ему на помощь, когда он пошел походом на Александра Бельзского. Князь Александр силой захватил у него, Даниила, Перемышль и засел там с группой предавших Романовичей бояр. Пока он вспоминал о бегстве Александра из Перемышля, боярин проснулся. Узнав князя, он удивился и хотел было подняться.

– Лежи, лежи, – заторопился Даниил, положив руку ему на грудь. – Я велю немца-лекаря прислать.

– Э-э, пустое, – отмахнулся боярин. – Слыхивал я от людей, – Мирослав говорил с трудом, – что живет в Дебровском лесу колдун, который... – боярин закашлялся, – который мертвых подымает на ноги.

– Вот к нему и поедem, – обрадованно произнес князь.

Но больной отрицательно помотал головой.

– Сил надо сперва набраться. Я сейчас как бревно: куда бросят, там и лежать буду...

А ты давно здесь? – вдруг заволновался он.

– Нет, – нехотя соврал князь, опустив глаза.

Своей горячей рукой боярин взял руку князя.

– Данилушка, – тихим мягким голосом сказал он, – врать-то негоже.

– Не буду больше, дядька.

От этих слов на глазах боярина навернулись слезы.

– Ты так звал меня в детстве, – старик начал всхлипывать. – Уйду я скоро, Данилушка. Кто о тебе позаботится? – старик отвернулся к стене.

– Это ты брось, – Даниил взял его за плечо и осторожно повернул к себе. – Михаил меч не вложил, отпрыск его в Венгрии полки против нас снаряжает. А тут еще новая вражина появилась – татары какие-то.

– Это я слышал, – старик тяжело вздохнул. – Жаль, силов почти не осталось. Какой я тебе сейчас помощник? Молодых поищи, – лицо боярина сделалось печальным.

В это время дверь в опочивальню скрипнула, заставив князя обернуться.

– Вот и матушка пожаловала, – оповестил Даниил, увидев на пороге невысокую полноватую фигуру немолодой женщины.

– Данилушка! – ахнула боярыня. – Гость-то какой!..

Она торопливо засеменила, поскрипывая толстыми половицами. Даниил поднялся и сделал несколько шагов ей навстречу. Подойдя, она заставила того склониться и поцеловала в голову.

– Внучек, Мирослав, как и дед, слег, – печально объяснила она, оправдывая свое отсутствие.

– Как он? – поинтересовался боярин, услышав упоминание о внуке.

– Он-то скоро побежит. А вот ты... – она в отчаянии махнула рукой. – Говорю ему, надо в Дебровский лес ехать, так кочевряжится! – боярыня повернулась к князю. – Сколько раз обещал поехать, а сам, как колода, лежит и лежит... Колдун тебя враз на ноги поставит. Скажи ему, Данилушка.

– Ты что князя тревожишь? – заволновался Мирослав. – У него столько забот! Михаил с сыночком опять что-то замышляют.

– А-а, – махнула рукой боярыня, – сколько лет вы с ними возитесь: то миритесь, то опять расходитесь...

– Ну, ты, – с трудом повысил голос боярин и зашевелился.

– Успокойся, – опять уложил своего дядьку князь. – Сейчас мы тебя вмиг соберем и поедем в Дебровский лес. И не возражать мне! Князь я тебе иль нет? Если князь, изволь слушать. Моя воля такая: ехать тебе в Дебровский лес... Матушка, вели сыскать проводника.

...Дебровский лес встретил их суровым, угрожающим молчанием. Даниил отметил про себя, что, будь он ребенком, наверняка забоялся бы дальше идти. Они долго пробирались сквозь чащу, пугая и пугаясь сами убегающих жителей леса. Часто сквозь листву мелькали ветвистые рога сохатых. Слышалось невдалеке и грозное рычание лохматого хозяина. Кони пугливо шарахались, их била мелкая дрожь. И только грозные окрики наездников заставляли бедных животных продолжать путь. Наконец лес стал редеть, и путники вышли к небольшому озерку. Оно поблескивало меж буйной зелени, словно оброненное кем-то зеркальце.

На берегу стоял домик, рубленный из вековых лиственниц. На крыше топорщился кустарник. Двери были открыты. Даниил спрыгнул с коня и направился к жилью.

– Эй, – крикнул он, заглядывая в двери.

Ему никто не ответил. Он переступил порог.

Внутри было сумрачно. Только отблеск огня в очаге слабо освещал помещение. К своему удивлению, князь заметил, что на столе стоят чаши, наполненные дымящейся пищей. Хозяин ждал гостей? Но где он сам?

– Ты меня кликал? – раздался вдруг сзади чей-то голос.

Даниил оглянулся. В дверях вырисовывалась чья-то фигура.

– Ходи сюда, – хозяин махнул рукой.

Они вышли наружу, и Даниил разглядел человека. Тот был очень странен. Невысокого роста, худощав. На тонкой шее – большая продолговатая голова с редким пушком светло-льняного цвета. Впалые скулы и довольно странная борода. Она напоминала лисий хвост, густо растущий с подбородка. Щеки, как и голова, были покрыты таким же пухом. Поразили глаза. Бледно-голубые и какие-то стеклянные. По ним совершенно невозможно было определить возраст.

– С прибытием, князь, – писклявым голосом произнес хозяин, чем очень удивил Даниила.

Они никогда не встречались, ибо такого человека он бы запомнил.

– Боярин будет жить, – неожиданно произнес тот.

Эти слова вновь удивили Даниила. Действительно колдун!

– Ты когда успел его осмотреть? – не удержался он от вопроса.

Но колдун на него не ответил, а предложил:

– Обед, князь, ждет, а боярина я сейчас приведу.

– Больной не может ходить, – предупредил Даниил.

– Придет, – уверенно сказал колдун и направился к конским подвесным носилкам.

Князь, влекомый простым человеческим любопытством, последовал за ним.

Колдун подошел к больному, откинул с него тулуп. Положил худенькую, почти с детскими пальчиками руку на лоб боярина. Тот открыл глаза. И тут, князь готов был поклясться, произошло чудо. Колдун словно вырос. Глаза его потемнели. С губ стали срывать слова какой-то абракадабры. Он все ближе и ближе наклонялся к больному. На высоком лбу лесного затворника появились капельки пота. Князь с удивлением наблюдал, как прямо на глазах стало оживать лицо дядьки. А колдун продолжал свое дело. Он заставил боярина сесть. Снял с него одежку, и руки колдуна забегали по телу старика. Колдун потел все сильнее

и сильнее. Наконец он в изнеможении опустился на землю. На глаза упали подрагивающие веки. По всему было видно, что он находился в прострации. Но это продолжалось какое-то мгновение. Затем он оглянулся, помотал своей огромной головой и медленно поднялся.

– Пошли, – тихо приказал он.

И чудо свершилось. Мирослав поднялся. Сделал неуверенный шаг. Потом второй...

Ел боярин с аппетитом. То было какое-то странное варево. По вкусу оно напоминало кисель, а по виду – пареную тыкву. Охотно ел и князь. И чувствовал, как силы вливаются в его тело. Когда трапеза была окончена, Даниил сделал открытие. На стол заранее были поставлены пять чашек, по числу прибывших гостей. Неужели хозяин заранее знал об их визите? Князь не удержался и спросил об этом. Баальник лишь усмехнулся.

– Скажи, дебренский человек, а можешь ты предсказать судьбу? – оживился Мирослав.

Вместо ответа колдун поочередно посмотрел на проводника и дружинника, сопровождавших их. Мирослав понял хозяина, и показал слугам глазами на дверь. Те быстро удалились. Когда они остались втроем, колдун повернулся к князю. Он долго, изучающе смотрел ему в лицо. И Даниилу опять показалось, что глаза его, темнея, вновь стекленеют, а лицо теряет живую окраску.

– Князь, смерть твоя далеко, – отчужденным голосом заговорил дебренский баальник. – Ждут тебя великая честь и воинская слава. Многих врагов ты покоришь, но и враг покорит тебя. Ты совершишь поступок, от которого в твоей душе будут посеяны великая смута и мучение. – Он поднялся, принес кожаный мешочек, взял две княжеские ладони, сложил вместе и, заставив растопырить пальцы, положил на стол. По краям ножом поставил точки, по ним очертил круг. Затем, запустив руку в мешочек, извлек горсть желудей. Глаза колдуна вдруг стали закатываться. Он быстро зашептал что-то непонятное. Князь не смог разобрать ни одного слова. Скорее, это был просто набор каких-то звуков. Потом колдун метнул желуди на круг. Часть их вылетела за черту. Он их собрал и спустил в мешочек, а оставшиеся заставил князя считать. Даниил насчитал тридцать. Колдун молча забрал желуди и, подойдя к двери, выбросил их наружу. Вернувшись к князю, продолжил свои предсказания. Даниил не перебивал, слушал внимательно.

– Жить ты будешь в почете и славе тридцать лет. Плакать о тебе будут твои дети. Но не могу от тебя утаить: пустят они по ветру дело рук твоих, – баальник замолчал, закрыл глаза.

Как замороженные, смотрели на него Мирослав и князь. Медленно к лицу колдуна стала приливать кровь. Наконец он ожил и странно, точно впервые видит их, посмотрел на присутствующих.

– Так, так, – неопределенно сказал Мирослав.

– Ну что, собираемся в дорогу? – спросил дядьку Даниил, воздержавшись от замечаний по поводу предсказания.

– Вроде и впрямь пора.

– Какую награду хочешь, старче? – спросил князь, достав из-за пояса кисею с деньгами.

– Убери, – колдун покачал головой, – отдашь сиротам. И не гневайся, коли что не так.

Не творю судьбу – только разгадываю.

Что бы ни говорили о дебренском колдуне, чудо он совершил на глазах князя: Мирослав самостоятельно забрался на лошадь.

– Много я повидал волхвов, но такого – впервые, – заметил князь.

...Ночь застала их в лесу. Дружинник развел костер. Даниил и Мирослав лежали рядом.

– Спасибо, князь, – заговорил боярин, – ты спас меня.

– Благодари волхва, я-то что...

– Нет, князь, кабы не ты, я бы не решился.

– А раньше был решительным и твердым, – усмехнулся Даниил.

– Прости, князь, – заволновался вдруг боярин.

– Ты о чем? – князь приподнял голову.

– Все о том же. О том чертовом короле. Никакого мира я с венгром не заключал. Наврал тебе Андрей, что я отдал Александру назад Бельц и Червень.

– Э-э, сколько лет прошло, а ты все о старом... Скажи лучше, слышал ли о козельском воеводе Сече?

– Как не слыхивать! Это ведь он недавно с Михаилом водил полки на помощь Конраду? Знатно, говорят, они покрушили Литву и пруссов...

– Так вот, погиб этот воевода.

– Неуж? – старик поднялся и перекрестился. – Царствие ему небесное. Кто ж посмел пойти на такое черное дело?

– Татары.

– Татары... – протяжно повторил старик и на мгновение замолчал. – Многие города они полонили и, вишь, до Козельска добрались, будь они неладны.

Костер догорал, становилось прохладнее. Боярин натянул на себя тулуп. Князь повернулся на бок, приподнял голову и оперся на руку.

– Воевода, сказывали, поломал им зубы, и убрались пока татары восвояси. Как думаешь, вернутся?

Мирослав задумался, глядя на догоравший костер. Вдруг решительно сбросил тулуп.

– Э-эх, дровец подбросить некому, – закричал он и попытался подняться.

– Лежи, лежи, – придержал его Даниил и легко вскочил на ноги. – А я рад, Мирослав, что везу тебя домой здоровым. Боярыня тоже будет рада.

Князь подбросил несколько поленец. Огонь весело затрещал сухими дровами.

– Расстроил, признаюсь, колдун меня своим предсказанием, – поудобнее устраиваясь, проговорил он.

– Это ты насчет детей? Плюнь, – успокоил боярин. – Одни у тебя малы, других пока нет. Встретится на твоём пути другой баальник – иное скажет. Кстати, как твой Шварн? Мне кажется, весьма смысленный парнишка.

– Стареешь ты, дядька, – рассмеялся князь. – Тоже мне, детки малые! Шварну хочу уже Холмск отдать. Воеводу бы ему хорошего.

– Да, – покачал головой Мирослав, – бежит время. Давно ли я носил его на руках? А насчет татар, я думаю, – вернутся, – боярин вздохнул. – Когда первые появились, ты еще отроком был. А ведь вон вновь пришли. И опять придут, – он зябко поежился.

Князь взял длинную ветку и стал подталкивать обгоревшее дерево к огню:

– Я тоже так думаю. Недавно князь Мазовецкий звал меня к себе.

– Зачем? – забеспокоился отчего-то боярин.

– Татары не дают покоя, – ответил Даниил. – Он понимает, что в одиночку ему не устоять.

– Не ожидал такой прыти от ляха. А что венгерский король? – Мирослав пытливо уставился на Даниила.

– Венгерский король молчит. Занят, видать, своими делами.

– Скорее, осторожничает Бела. Мазовецкий видит, что никто не шевелится, вот и стал собирать силы под свои стяги. Многих он кликал?

– Меня да герцога Силезского Генриха. Да еще этого дутого тевтонца. Послал весть венгру, а еще... кому бы ты думал?..

Мирослав сощурился:

– Уж не Михаила ли?

– Его!

– Да он в уме ли?! – воскликнул боярин.

– Нет, боярин, на сей раз лях был в уме. Прав он. Нам давно надлежит объединить силы, чего некоторые русские князья никак не хотят понять, – в свете огня лицо Даниила видится серьезным.

– Понимать-то они понимают, – задумчиво произнес Мирослав, – да вот гордыня не позволяет им этого сделать. Скажи, Даниил, сам-то ты пошел бы под михайловскими стягами против татар?

Князь такого вопроса не ожидал. Брови сошлись на переносице.

– Эгей! Молчишь, Данилушка? То-то же! – торжествуя воскликнул дядька.

– Ну почему же, – князь решительно повернулся к боярину, – я бы... пошел. Не веришь?

– Верить-то, Даниил, верю, но... – боярин безнадежно махнул рукой. – В одной стае двух вожаков не бывает. Плохо, когда много стай и у них сильные вожаки. Тогда они грызут друг другу глотки. Нельзя иметь рядом сильного вожака. Сам вожак должен быть беспощадным.

– Прав ты, Мирослав, – князь уселся поудобнее. – Я в этом убедился, когда, если помнишь, простил своих бояр за измену. И чем они отплатили?

– Как же, помню. Боярин Изяслав залил тебе вином лицо, и ты это ему простил.

Мудр ты, Даниил. Не хотел вновь проливать кровь.

– Не в этом дело. Ты помнишь, каких усилий нам стоило взять Бельз? С чем бы я пошел вновь на своих врагов?

Боярин заерзал. На лице его заиграла лукавая улыбка. От князя не ускользнула эта перемена.

– Эх, ты махнул! А я-то думал, что спасла боярина его... дочь. Слаще медка была у него девка.

Князь смешался:

– Ты чего, дядька?

Мирослав, словно боясь, что его услышат, наклонился к Даниилу.

– Эх, князюшка! Да разве у тебя одного такое случается? Вот вернул мне баальник силушку, а ведь я хоть и старик, но попадись мне такая... – дядька скабрёзно захихикал, чем рассмешил Даниила.

– Вижу, этот волхв – отменный лекарь, коль бабы уже полезли тебе в голову.

– Куды ж от них, тварей, денешься?!

Но вдруг боярин прекратил смех и насторожился. Ему показалось, что где-то поблизости хрустнула ветка. Князь насмешливо бросил:

– Прижался ты, Мирослав, к бабьему подолу и что-то трусоват стал.

Неожиданно в нескольких шагах раздался рев, потрясший окружающий лес. Даниил вскочил и выхватил меч. Его глаза были прикованы к крошечной темноте леса, откуда доносился громогласный рык. Не опуская взора, он нагнулся и выхватил из костра пылающую головешку. Она осветила гигантского зверя. Тот стоял перед князем с высоко поднятыми лапами. Пламя осветило его огромную зубастую пасть. Глаза горели, как фосфорические звезды. Все это не могло не внушить страха. И каждый, наверное, бросился бы наутек, спасая свою жизнь. Но только не князь Даниил. Он стоял спокойный, сосредоточенный.

Медведь замер. Зверь всегда хорошо распознает чувство страха у других. Это верный сигнал к нападению. И тогда – берегись, противник!

Но ни один мускул не дрогнул на лице князя.

Мирослав, обнажив свое оружие и готовый в любой момент прийти на помощь своему воспитаннику, невольно залюбовался решительным видом Даниила.

Первым не выдержал медведь. Он внезапно неловко повернулся, передние лапы коснулись земли, и, мягко ступая и урча, словно предупреждая, чтобы его не преследовали, он так же неслышно удалился.

– Фу-у, – выдохнул Мирослав и вытер со лба пот.

Князь спокойно вложил меч в ножны. В это время послышался шум, и к костру выскочили испуганные дружинник и проводник:

– Князь, как ты?..

За него ответил Мирослав:

– Не видите, что ли? Жив-здоров наш князюшка. Слава тебе Господи! Я уж думал, старый дуралей, хана тут нам всем, подерет зверюга. Ан нет! Одолел ты его, князь! Лютый-то убег, как трусливый кобель. А ты тоже хорош, – напустился боярин на дружинника. – Как князя своего сторожишь?!

– Да я... – начал оправдываться было воин, но князь его прервал:

– Ступай к лошадям, ты ни в чем не виноват.

Дружинник с проводником проворно исчезли в непроглядной мгле.

Князь, как ни в чем не бывало, подбросил в костер дров и с наслаждением улегся на шубейку. Рядом опустил боярин.

– Ты чего его не порешил? – спросил дядька. – Еще вернется.

– Не вернется, – уверенно произнес князь. – Пусть бродит. Ведь это мы вторглись в его владения.

– Да, не вышло у Топтыгина, – усмехнулся Мирослав. – Эх, Даниил, вот так разогнать бы некоторых князей – на Руси дышать легче стало бы. Никакой бы татарин не сунулся.

– У нас некоторые князья хуже медведей, – заметил Даниил.

– Это Михаил, что ли? Ты же с ним в поход собрался идти, – в голосе Мирослава прозвучал укор.

– Эх, дядька, как же ты хочешь Русь оборонить? Учил ты меня уму-разуму. Навеки тебе благодарен. Но как ты не поймешь: сгинет ведь Русь от собственных смут да от ударов татарских сабель! Сколачивать ее надо, сколачивать. Тут один меч не поможет. Это ведь медведь убежал, назад не вернется. А князь? Он ведь сразу бежит то к венгру, то к поляку, то к торкам, то к половцам...

– Ведь и ты бегал, – не без ехидства вставил боярин.

– Бегал. В том и беда. Вот и режем друг друга. Так что, дядька, меч тут не поможет. И с Михаилом мира хочу во благо земли нашей.

– Но он же предатель, Козельск выдал! – воскликнул боярин.

– А я думаю по-другому, – князь приумолк, уставившись на огонь. – Мы тоже в этом виноваты. Сидим по своим вежам и нос наружу боимся высунуть. У каждого в маленькой голове думка: а вдруг он уйдет, чего я полезу? Татарин силен, еще одолеет. Если так рассуждать, и я – предатель.

– Эх куда повернул, – дернулся Мирослав. – Это что, твоя разве вотчина?

– Это Русская земля, дядька, и мы все за нее в ответе, – произнес Даниил тихо.

Боярин посмотрел на князя, как будто видел его впервые. Потом вдруг поднялся и низко поклонился Даниилу в ноги:

– Прости меня, старого дуралея, прости. Настал твой, видать, черед учить людей уму-разуму. Правдивы твои слова, князь, сильна твоя башка, ничего не скажешь. За то и поклон от всей земли Русской.

Глава 15

Князь Василий очнулся на рассвете, когда ночной туман непроглядной пеленой окутал землю. Страшная боль жгла лицо, точно к нему кто-то прижал раскаленное железо. Он машинально схватился ручонкой за лицо и вдруг ощутил глубокую рану. Отдернув руку, глянул и обомлел: она вся была в крови. Его затошнило... И мальчик опять потерял сознание.

Вторично очнулся он от ощущения, будто кто-то гладит его по лицу, снимая боль и уменьшая жжение. Он открыл глаза и замер от ужаса. Над ним нависла чья-то огромная страшная морда. Животное отскочило и миролюбиво лайкнуло. Василий хотел было его позвать, но, сделав попытку раскрыть рот, был пронзен страшной болью. Душераздирающий стон вырвался из груди. Он закрыл глаза, боясь пошевелиться. Вскоре он почувствовал, как его лица коснулось что-то влажное и нежное, и боль опять постепенно отступила.

Так продолжалось несколько дней, пока боль не утихла окончательно.

Впервые Василий захотел есть и, преодолевая свой страх, открыл глаза. Перед ним стояла рослая лобастая собака. Она виновато завиляла хвостом и ткнулась мордой в плечо ребенка. Мальчик обнял ее и заплакал. Пока он плакал, собака послушно застыла в его объятиях. Когда же Василий разжал руки, псина, как бы извиняясь, лизнула его несколько раз и исчезла. Но вскоре вернулась, держа в зубах куропатку. Положив птицу напротив мальчика, собака легла, внимательно наблюдая за ним добрыми карими глазами. Василий вначале не понял, зачем она это сделала.

«Да ведь она принесла мне еду!» – догадался он наконец. Мальчик попытался было разорвать птицу, но сил не хватило. Тогда догадливое животное сделало это за него. «Ну, поешь!» – говорили ее глаза.

Василий еле открывал рот, просовывая в него кусочки мяса, и плотал, не жуя. Собака таким образом кормила его несколько дней, таская разную мелкую живность. Наконец он почувствовал, что может встать.

...Василий медленно брел, еле передвигая ноги, не зная куда, а рядом бежала его спасительница. Ночь они провели в обнимку, согревая друг друга, а на другой день животное точно подменили: оно отказывалось идти дальше. Василий хотел было позвать ее, но... не смог произнести ни слова! О Господи, часть языка отрубила половецкая сабля!

Василий сел и горько расплакался. Когда, наконец, высохли слезы, он обнаружил, что собаки рядом нет. Это еще сильнее огорчило его. Теперь он почувствовал себя совершенно одиноким, всеми брошенным, а главное, он совсем не знал, что делать.

...У смерда Комара в доме печаль: несколько дней назад исчезла сука Ласка. Федор с возом шкур ездил в боярское село Мизецкое. Ласка служила надежной охраной: в поединке с волками всегда выходила победительницей. Брала хорошо дичь, зайца. Добычу приносила домой. Федор всегда брал Ласку с собой, и не было случая, чтобы она куда-то сбежала. А на этот раз на обратном пути она внезапно исчезла. Сколько он ее ни кликал, так и не дозволялся. Опечаленный вернулся Комар домой. Домочадцы тоже пустили слезу, считая, что собака пропала безвозвратно.

Но вдруг Ласка появилась! Домашние бросились ее обнимать, но собака вела себя странно. Она никому не давалась, а все словно рвалась куда-то. Первой сообразила жена:

– Федь, а Федь, а Ласка тя вроде куда зовет.

Комар молча накинул зипун, дело было к ночи, и пошел за Лаской. Вернулся он под утро, неся что-то на руках. Жена ахнула. Это был еще почти ребенок. Но, Боже... до чего изуродовано лицо! Свежие алые рубцы покрыли почти все лицо.

– Какой-то гад так мальчика изуродовал! Смотри, снизу ударил. Хорошо еще, что башка цела, – возмутился Федор.

- Ты зачем его принес, – запричитала баба, – что же мы с таким уродом делать будем?
- Цыц! Человек он! И Бога мне не гневи! Руки есть, ноги есть. Пахать будет. Себя

прокормит.

Мальчик что-то попытался сказать, но только промычал.

- О Боже, у него языка нет! – баба всплеснула руками.

Муж, продолжавший держать парнишку на руках, растерянно поглядел на жену.

Но потом упрямо произнес:

- Ну и что. Ему не батюшкой быть. Куды ложить?

- Ой, какой он оборванный... Сюда ложи, – показала жена на пол у печи. – Одежонку

Ивашкину принеси.

Так Василий остался в доме Комара. Как ни пытались у него добиться, кто он, откуда и что с ним приключилось, ничего бедняга сказать не мог. Взглянуть на странного мальчика приезжал и батюшка Порфирий. Как ни крутил он мальчика, но выяснить тоже ничего не смог. Только сказал на прощанье:

- Все в руках Божьих.

Жена Федора оказалась женщиной сердечной, окружила Найденыша, как окрестили Василия в семье Комара, заботой и уходом. Силы постепенно возвращались к мальчику. Кажется, ему не о чем было печалиться. Тем более Ивашка, третий сын в Комаровой семье, был ровесником Найденыша, и они вместе играли в астрагалы. Дружба их крепла. Но грустны были глаза Найденыша, часто затуманивались слезами. Федор тяжело вздыхал:

– Лютое наше время. Всякой нечисти поналезло на Русь. От нее вся погибель. Дай Бог, чтобы мимо пронесло.

Глава 16

С тех пор, как Всеславна вторично поселилась в хоромах князя Михаила, хозяйка потеряла покой. Княгиня с затаенным страхом и плохо скрываемой завистью наблюдала, как хорошела их гостья. Щедрый княжеский стол и спокойная, без внешних тревог жизнь делали свое дело. Всеславна расцветала, как майский цветок. Наверное, она цвела бы еще краше, если бы не тягостные думы об отъехавшем в чужие края муже да о пропавшем брате. Но жизнь брала свое. Лицо, одухотворенное добротой и сердечностью, делало гостью неотразимой. Вот этого и не могла не видеть княгиня.

Она ревниво наблюдала, как князь становился все более любезным, внимательным, встречая Всеславну. Все чаще он стал одаривать ее подарками, что вызывало в душе княгини бурю возмущения. Но она гасила этот готовящийся вырваться наружу огонь. Пока в ее руках не будет хотя бы незначительного фактика супружеской неверности, подступиться к Михаилу невозможно. Ибо в противном случае ее ждал необузданный гнев, который, как смерч, обрушился бы на нее. Поэтому неослабно, делая вид, что ей все безразлично, княгиня зорко наблюдала за происходящим. Ей даже казалось, что Михаил вроде как помолодел. Он старался теперь одеться получше, чего раньше она за ним не замечала.

В доме шептались, двусмысленно поглядывая то на княгиню, то на Михаила. Только далека от всего этого была сама Всеславна. Непосредственность, открытость делали ее неуязвимой. Она ровно относилась ко всем, лишь к подаркам князя – с опаской. И ему стоило большого труда вручить ей браслет из извивающихся дров, в завязи которых горел аквамарин, а затем – ожерелье из морских раковин вперемешку с бусами.

Однажды княгиня не выдержала и сделала мужу едкое замечание:

– Дорогой, может, настала очередь преподнести нашей гостье сам Чернигов?

Гневом блеснули глаза Михаила:

– Мы в неоплатном долгу перед этим родом! Те безделушки, которыми я одарил нашу гостью, ни в коей мере не искупают ту вину, которую невольно нанесло наше с тобой бездействие.

Княгиня неслыханно удивилась столь продолжительной речи супруга. Он даже напомнил ей чем-то изысканного Мазовецкого.

А Всеславна жила своей жизнью. Ее думы неслись вслед за ее любимым. Часто ей виделось, что полчища дикарей нападают на путятинский обоз. Между ними вспыхивает жесточайшая сеча. Нет победителей, нет побежденных. Разбойники рассеяны, но и от черниговцев никого не осталось. Аскольд, истекающий кровью, лежит посреди поля. Ему хочется пить, у него нет сил подняться. Его иссохшие губы зовут Всеславну. Глоток воды – и силы возвращаются к Аскольду. Она помогает сесть любимому на лошадь, и они едут к Улале...

То ей вдруг кажется, что черниговский купец вовсе не купец, а продавшийся татарам изменник. Он, коварно убив Зуба и Кулотку, связывает ночью сонного Аскольда и везет его в татарский лагерь. Хан очень рад, что козелец попал наконец в его руки... Татары издеваются над ним, жгут железом, бьют плетью. Хан требует, чтобы русич отказался от веры, предлагает в жены одну из татарских цариц. Но Аскольда не могут сломить никакие пытки, никакие соблазны. Его бросают в темницу... Он зовет ее, Всеславну...

Как хочется ей вскочить на коня и оказаться рядом с ним, разделить его участь. Ей казалось, что вдвоем они преодолеют любые испытания. Вдвоем! Скорее к нему! Но куда? Но как? Эти вопросы жгли ее сердце. Боль усиливали мысли о брате. Что с ним? Где он? Однажды ей даже приснился сон, что Аскольд нашел Василия. И они вместе вернулись домой. Как сладок был этот сон! У нее даже поднялось настроение. Идя на обед, она столкнулась с князем. Увидев ее радостное лицо, Михаил удивился: уж не добрую ли весть

получила? Всеславна охотно поделилась своим мимолетным счастьем. Он очень тепло и убежденно стал говорить ей, что так оно и случится. Если Аскольду потребуется помощь, он немедленно окажет ее. Он готов даже послать гонца, например, к Мазовецкому, чтобы тот, если потребуется, оказал Аскольду содействие.

– Не волнуйся, Всеславна, все будет хорошо!

От таких слов на сердце стало еще теплее, и Всеславна вошла в светлицу вся сияющая. О Господи! Да лучше б ей было плакать. Княгиня тигрицей взглянула на нее, потом на мужа. Но князь, сурово сдвинув брови, быстро потрапезничал и удалился.

Воспользовавшись его отсутствием, хозяйка не смогла сдержать бушевавшего в груди гнева и зашипела:

– Не строй князю глазки, гадюка! А не то я тебя сгною в темнице и все расскажу твоему мужу. – Сказав, тотчас поднялась и с величественно поднятой головой удалилась в свои покои.

Это так подействовало на Всеславну, что она даже не нашла слов, чтобы достойно ответить ревлившей супруге. Придя к себе, она горько расплакалась. Ей хотелось броситься к этой заблудшей женщине и сказать, что, кроме Аскольда, у нее в сердце ни для кого нет места. Но какая-то сила удерживала ее от этого шага: княгиня может подумать, что она просто оправдывается.

Тогда ей захотелось уйти из этих постылых хором, чтобы не видеть злые глаза хозяйки, не встречаться с князем.

«Уйду к Зосиму. Буду там дожидаться возвращения любимого, а потом не останемся в этом городе и дня», – она начала было собирать свои вещи, как вдруг на глаза попала рубашка Василия. И тотчас вспомнились слова князя Михаила: «Если Аскольду потребуется помощь, я немедленно окажу ее».

«Уйду, – крутилось в голове, – а князь разгневается и помощи не пошлет... Ой, что делать, что делать?» – слезы градом потекли из глаз.

Она в бессилии опустила на пол.

– О Господи, за что Ты меня так наказываешь?! Помоги мне, пошли хоть одного человека, с кем я могла бы поделиться... – так, в слезах, она просидела до глубокой ночи. Не вышла и к ужину.

Князь вечером подозрительно посмотрел на супругу, внезапно насупился и просидел так до конца ужина.

У себя в опочивальне княгиня дала волю своему гневу. Она отпустила звонкую пощечину девице: ей показалось, что та неправильно поставила чучьяки. Потом зло отчитала Флориху – за то, что та подала якобы недозревший квас. И наконец приказала позвать к ней Путшу.

Тот как-то боком, исподлобья поглядывая на госпожу, вошел в опочивальню.

– Ты чего такой сумрачный, будто бык на привязи?

– За что, матушка, ругать будешь? – вопросом на вопрос ответил верный слуга.

– Ай не за што? Я тебе говорила, чтобы ты присматривал за этой молодухой. А ты?

– Смотрю, – угрюмо ответил Путша.

– Смотришь? Так посмотрелся, что она, бесстыдница, скоро повесится на шею моему дураку! – взвизгнула княгиня и замахнулась на слугу.

Тот, прикрыв голову руками, подставил ей свою спину. Княгиня ожесточенно заколотила по ней.

– Спинища как чурбан, – жалобно промолвила она и затрясла отбитой ладонью.

Увидев, что гнев повелительницы прошел, Путша осмелел:

– Дозволь, матушка, бросить ее в темницу. Больше оттуда она у меня не вырвется.

– Еще рано, Путятюшка, – вздохнула княгиня. – Подожди, близок тот денечек, – она загадочно улыбнулась. – А пока вот что... – и она стала что-то шептать ему на ухо, поглядывая с опаской на дверь.

Он слушал не мигая, стараясь запомнить каждое слово. Иногда кивал головой.

– А теперь ступай, – приказала княгиня. – Сколько раз я тебе говорила не называть меня матушкой!

– Все исполню, матушка... э-э... – Путша махнул рукой. – Не гневись: что тут засело, – он щелкнул себя по лбу, – колом не вышибешь.

Когда и утром за столом не оказалось Всеславны, князь вдруг гневно ударил ложкой по тарелке, та вдребезги разлетелась. Княгиня, сделав невинное лицо, пропела сладеньким голосочком:

– Что-то наша гостья занемогла, пойду погляжу.

Она встала и с видом глубокой тревоги поплыла к двери.

– Что приключилось, голубушка? – вкрадчиво спросила княгиня, войдя в опочивальню.

Всеславна сидела у окна. Глаза ее были красны от слез.

– Что с тобой, милая? Я так забеспокоилась... Не надо так убиваться. Вернется твой соколик. Ведь не на битву ушел. Вот мой путята, – она подчеркнула эти слова, – частенько пропадает в отъездах, но жив-здоров. О встрече думать надо. О встрече!

– Я не о нем, – нехотя выдавила из себя Всеславна.

Княгиня сделала большие глаза:

– Тогда о чем твоя печаль?

Всеславна отвернулась.

– Девонька, – запела хозяйка, – уж не мои ли слова тебя обидели? Выбрось из головы. Я уж и забыла. Разум что-то помутился. Иль другое что?..

Как бы ей хотелось услышать от гостьи успокаивающие слова! Но та по-прежнему упрямо молчала.

– Дорогая, – не отставала она, – мы все встревожены. Ты бы предупредила, что не можешь к нам выйти, и я велела бы доставить блюда к тебе в опочивальню.

– Благодарствую, княгиня, за твою заботу. Но, право, что-то я неважно себя чувствую.

– Я понимаю, – присела рядом княгиня. – Сердце твое разрывается на части. Беспокоишься о супруге, не оставляют мысли о брате. Всегда так у нас, у женщин. Часто и у меня душа болит. Один Ростислав сколько кровушки выпил! А другие? Роман – в Брянске, Юрий – в Тарусе, Симеон – в Глухове, а младшенький, Мстислав, в Карачеве сидит. Давненько их не видела. Как они там? Болит в груди у матери. – Она вздохнула. Глаза ее подозрительно заблестели. Княгиня даже стала вытирать их кончиком цветастой тряпицы.

Какое чуткое сердце не отзовется на материнскую боль! «Бедная княгиня, – подумала Всеславна. – У каждой из нас свои заботы... Тяжело и ей. А вчера она просто погорячилась...»

А та, ощутив перемену в настроении гостьи и поняв, что удалось вызвать у нее сочувствие, продолжала:

– Ростислав-то, горюшко наше, где сейчас скитается, одному Богу известно. Этот изверг Даниил прогнал его из собственной вотчины. Даже к родной матери, – княгиня всхлипнула, – путь заказал. А еще братом зовется.

– Успокойся, княгиня, все наладится. Проси Господа, Он милостив, позаботится о твоём сыне.

– Хотя ты не травми мою душу, – княгиня горестно вздохнула. – Почто заперлась, как сычиха? Мы все в тревоге. Я ведь тебе хотела подарочек сделать.

– Благодарю покорно, но не могу я принимать ваши подарки. Я уже и так не знаю, как отблагодарить вас с князем за вашу щедрость. Век ее не забуду. Так что прости, княгиня, но больше я подарков принимать ни от кого не буду.

Княгиня улыбнулась:

– Мой подарок ты примешь. Я хочу вернуть тебе твою служанку.

Мысль о возвращении Малуши, о которой она так быстро забыла, словно молния пронзила ее. Ей было и радостно, и стыдно. Радостно, что можно вновь увидеть свою ненаглядную подружку. И стыдно, что ни разу не вспомнила о ней. Малушу пришлось отпустить по убедительной просьбе ее жениха Брачислава, который хотел показать свою невесту родителям. Он добился согласия на свой брак от князя Всеслава, хитро увильнув от событий той злосчастной Купаловой ночи.

И вот теперь можно увидеть Малушу! Всеславна готова была забыть все обиды хозяйки.

– Не заставляй себя ждать. Еда стынет, – княгиня поднялась.

– Я сейчас, матушка.

...Путша явился через несколько дней. И не один. С ним была женщина. Она была в том возрасте, когда ее нельзя еще назвать старухой, но которая стоит на пороге этого. У нее было жирное одутловатое лицо. Недобрые раскосые глаза. Черные с отливом волосы кое-где были разбавлены начавшей появляться сединой. Вся она была грузная, неторопливая, с затяжной одышкой. Вот ее-то по приезде Путша сразу и привел к хозяйке. Они долго о чем-то шептались. Потом княгиня велела поселить женщину рядом с опочивальней Всеславны.

Как-то вечером эта странная гостья зашла к Всеславне.

– Слушай, голубка, – заговорила она грубым бесцеремонным голосом, – я видела о тебе плохой сон. Будто ты держишь в руках сокола, а он вылетел, и чья-то стрела пронзила его. К горю это, к горю.

Всеславна оторопела. Эту женщину она видела впервые. Как та могла видеть ее во сне?

– Но ты же меня не знаешь! – пересилив застенчивость, промолвила Всеславна.

– Ой, брось! У меня все сны сбываются. Верь мне. – И она, тяжело дыша, тотчас вышла.

В душе Всеславны приход этой женщины оставил неизгладимый след. Мысли тотчас побежали к Аскольду. Она не находила себе места. Сон отлетел, как октябрьский лист. Лицо ее осунулось.

А через несколько дней незваная гостья явилась вновь, держа в руках солидную братину.

– Сохнешь ты, как сломанная ветка, – заговорила она, плюхнувшись на лежанку. – Не стоит так страдать. С твоей-то красотой! Да тебя любой князь возьмет за себя. Выпей-ка лучше моей настойки. Все горечи как рукой снимет.

Она неожиданно проворно поднялась и почти насильно заставила взять в руки братину.

– Пей, – приказала женщина.

Ее раскосые глаза расширились. Один зрачок стал как-то странно вращаться, а другой, как у совы, смотрел пристально, словно въедаясь.

– Пей, – повторила она и, взяв руку Всеславны, насильно заставила сделать несколько глотков. – Вот так-то, – довольно произнесла странная гостья и удалилась.

Действительно, в эту ночь Всеславна спала как убитая. Утром за столом показала хороший аппетит. Михаил, видя, как княжна уписывает одно блюдо за другим, довольный, улыбнулся своей женушке. Та расцвела.

Но подобное поведение Всеславны встревожило хозяйку. Она заставляла себя улыбаться, а в душе скребли кошки: «Неужели эта чертова ведьма меня обманула?»

Она еле дождалась, когда смогла удалиться к себе в опочивальню, и тотчас приказала кликнуть Путшу. Не успел тот появиться, как она коршуниной налетела на своего слугу.

– Я тебя велю нещадно пороть! Я тебя отправлю в темницу! Я тебя живьем велю закопать! – кипятилась владычица.

– Матушка! – попытался было вставить слово слуга, не зная, в чем дело.

Но это взъярило ее еще сильнее. Она схватила со стола амфору и запустила в Путшу. Он еле увернулся.

– Смилуйся, владычица! – взмолился он.

– Ты кого мне привел? Ты же говорил, что твоя колдунья все может.

– А!.. – Путша понял причину гнева и задом, задом выскользнул наружу. Вскоре он появился вновь. С ним была та женщина, которую он привел несколько дней назад. Та поведала княгине о своем зелье. Хозяйка успокоилась.

К вечеру Всеславна почувствовала какую-то ломоту в теле. Ее подташнивало, аппетит исчез. Начала болеть голова.

– Что с тобой? – любопытствовала княгиня, заметив вялость гостыи.

– Плохо себя чувствую, – ответила Всеславна и поднялась из-за стола.

– Пойди, дорогая, к себе, отдохни. Это бывает, – заботливо проговорила княгиня.

Утром Всеславна уже не могла подняться. На немой вопрос мужа княгиня, сделав печальным лицо и горестно вздыхая, рассказала о состоянии Всеславны. Князь встревожился и принялся успокаивать свою жену:

– Не печалься, Бог даст, княжна оправится. Я скажу, чтобы лекарь помог ей.

Осмотр местного знахаря результатов не дал. Всеславне становилось все хуже и хуже. Княгиня часто навещала ее. Она вела себя любезно. Голос звучал сочувственно. Но после посещений запиралась в опочивальне с Путшей, который выходил от княгини с сатанинской улыбкой на устах.

Напрасно бился местный знахарь. Положение больной ухудшалось.

Появление Малуши придало на некоторое время силы Всеславне. Она даже сумела подняться и обнять свою верную служанку. Но радость встречи была омрачена состоянием больной. Малуша до того расстроилась, что забыла рассказать о своих злоключениях, когда по повелению княгини их с Брачиславом отослали в далекую деревушку. Как она там, бедная, узнав о нападении татар, не могла найти себе места. Она уговорила было Брачислава бежать в Козельск, но дружинник вовремя одумался и уговорил свою дорогушу выждать, пока ситуация не прояснится.

– Попадем в лапы татарские, – говорил он. – Никакой помощи Всеславне не окажем, а сами погибнем.

Брачислав все ждал, когда его кликнут для похода на помощь Козельску. Да так и не дождался. Так и жили они в тревожном ожидании, пока, наконец, вдруг не нашлась сама Всеславна. Но видеть такой госпожу... Боже упаси!

Заметалась Малуша. В княжьих хоромы людей как подменили, словно боятся чего-то. «Старое помнят, – догадалась служанка. – А делать-то что?»

Опять с девок начала. Христом Богом стыдила, совестью корила. Мнутя девки, как на выданье. Вокруг Флорихи бесом кудлатым вертелась, все угодить старалась.

Флориха и намекнула, что козельская гостья занемогла, когда появилась в княжьих хоромы Петшина подружка. Малуша – к ней:

– Что сделала, окаянная?

– Дала ей сон-траву. Вижу, девка мается. Помочь хотела...

Но от Малуши легко не отделаться. Та же твердила свое: «сон-траву», и все. Все пройдет, мол...

– Ну, смотри, – предупредила Малуша, – не дай Бог, что с княжной случится – тебе не жить! Грех на душу возьму, но с тобой рассчитаюсь...

Князь зашел после обеда к Всеславне. Увидев княжну, расстроился Михаил. Приказал сыскать лучшего знахаря. Лекарь, низенький толстенький мужичок с лысой головой и добрыми голубыми глазами, на вопрос князя, что с козельской гостьюей, только пожал плечами. Скромно сидевшая в уголке Малуша вскочила и бросилась князю в ноги:

- Спаси, князь, княжну! Богом тебя заклинаю, спаси Всеславну! Не бери грех на душу.
- Ты кто будешь, голубка?

Князь видел эту женщину впервые, хотя всех своих домочадцев знал хорошо.

– Князь, я служанка княжны. Недавно Великая княгиня смилостивилась и вернула меня к моей госпоже. Князь, – опять заголосила она, – спаси ее, спаси... – Она прижалась к его ногам.

– Что я могу сделать? Мой лекарь здесь. Был наш лучший колдун. Они бессильны. Такова воля Господа.

- Или этой колдуньи, – с отчаянием в голосе произнесла верная служанка.
- Какой колдуньи? – живо, с интересом спросил Михаил.
- Да той, что живет в ваших хоромах. Это она дала княжне какое-то снадобье, отчего ей и стало так плохо.

– Снадобье? Кто тебе сказал? – князь нагнулся и поднял Малушу с пола.

– Она сама... Если что случится с княжной, я убью эту ведьму.

Малуша зарыдала. Князь, не привыкший видеть женских слез, растерялся.

– Ты успокойся, – он ласково погладил ее по голове, – я попробую что-нибудь сделать.

– Князь, – служанка обтерла слезы, – я знаю одну старуху. Только она может вылечить Всеславну.

- Кто такая?
- Это Улала. – И Малуша коротко рассказала о старухе то, что ей поведала Всеславна.
- Я велю тотчас послать за ней. Где ее сыскать?
- Я попробую расспросить козельцев, может быть, кто знает к ней дорогу.

Глава 17

Путята решительно остановил обоз и спрыгнул с коня, показывая всем своим видом, что наступило время привала.

– Завтрашний день будет последним, – ответил купец на немой вопрос удивленного Аскольда. – Горы, наконец, останутся позади, и мы спустимся к долу, – пояснил Путята и добавил: – Но предстоящий переход – самый трудный.

Путята распорядился накормить как следует лошадей. Для сопровождавших открыл увесистую торбу. Насытив всех до отрыжки, приказал ложиться спать.

...Заря еще не занялась, а зычный голос купчины поднимал уже людей с нагретых мест.

– Кто до зорьки встает, тому Бог деньгу дает, – ревел он.

Наконец люди подняты, кони впряжены. И тут как раз пробился первый луч. Путята всех подозвал к себе.

– Хочу предупредить вас, чтобы не шумели без надобности, смотрели в оба. Упаси Господь толкнуть камень. Придется тогда нашему батюшке тризну править. Виновный пусть пощады не ждет. Ну, с Богом! – перекрестился Путята, за ним и остальные.

Дорога круто стала подниматься вверх. Угол подъема был настолько велик, что подталкивающим сзади свои повозки погонщикам казалось, что их лошади висят у них над головами. Крутизна усиливалась. Кони начали скользить, того и гляди, какая-нибудь сорвется и утащит всех за собой.

Путяте пришлось оставить свою лошадь, чтобы помочь возчикам. Его примеру последовали и козельцы.

Купец подставил плечо и, напрягшись, стал толкать вверх повозку. Она медленно двинулась вперед, но вскоре остановилась.

– Надо поклажу сбросить! – в ярости воскликнул Иван.

– Я те сброшу, – Путята напрягся, повозка дернулась, но осталась на месте. – Эй, кто подсобите, – громко позвал купец.

Подскочили Аскольд и Кулотка. Упершись ногами крепче в землю и выдохнув: «Э! Э! Э!», – так надавили на возок, что чуть не сдернули оглоблями хомут с лошади.

– Давай, давай! – заорал обрадованный купчина.

Вот они на вершине перевала. Довольные, отирали потные лбы. Взоры путников устремились вниз. Туда убегала, словно в гигантский зев, дорога. Но спуск оказался хуже подъема. Возки, поминутно наезжая на лошадей, заставляли последних опасно ускорять движение, что могло привести к катастрофе. На одной из них что-то случилось с погоняльщиком. То ли расслабился, то ли отвлекся на миг, но возок ударил по конским ногам. Лошадь рванулась, колесо возка со всего маху ударилось о камень, выворотив его с места. Тот сорвался и заскользил вниз. Замер, осознав свою оплошность, возница. Но было поздно. Камень набирал скорость. Поняв, какая опасность угрожает его товарищу, он дико заорал. Однако ничего уже нельзя было поправить. Несчастный, оглянувшись на крик, успел только заметить, что на него летит что-то черное, и тут же был пригвожден к своему возку. Своим телом он смягчил удар, повозка уцелела, но была отброшена на край пропасти. Она медленно начала сползать вниз. Надежно увязанная поклажа стягивала повозку вместе с конем в пропасть. Лошадь с дико выпученными глазами, словно чувствуя свою гибель, попыталась изо всех сил вырвать возок. Подскочил купец.

– Держите! – заорал он изо всей мочи. – Братцы, спасите! Там же самый ценный груз! Озолочу!

Возчики нехотя, с опаской, но подскочили. Кто схватился за оглобли, кто – за коня. Скольжение вниз хотя и замедлилось, но все же груз сделал свое дело. Задние копыта лошади

сорвались в пропасть. В это время подбежал Кулотка. Схватившись за оглоблю, он рванул повозку вверх. Благо дубовый жердняк выдержал. Лошадь оказалась на дороге. Кулотка попытался было еще раз рвануть, да не вышло. Возок осью уперся в скалу.

– Держи! – крикнул парень.

Подоспели погонщики. Но Кулотка вдруг, к ужасу всех, ухватившись за выступ, спустился вниз. Упершись в уступ, подхватил повозку и... поднял ее над собой.

Показались передние колеса повозки, и вот она уже стоит на дороге. Купец подскочил к парню и крепко прижал его к своей груди.

Погибшего похоронили тут же, обложив камнями, и поставили деревянный крест. Молча кружком постояли над могилой, а потом к виновнику происшедшего подошел купчина.

– Это ты столкнул камень? – глаза Путяты сверлили виновного, косматые брови грозно сдвинуты.

Тот упал на колени:

– Прости меня, Путятушка. Виноват я.

– Ты хотел упредить?

– Я, я, – с надеждой в голосе пролепетал возница.

– Возьми, – Путята кинул ему золотую монету.

Возница жадно схватил ее, не веря своим глазам.

– Да ты что, батюшка, – подполз мужик на коленях к купчине, – век молить буду! – и попытался поймать руку хозяина.

Путята отступил к краю пропасти.

– Храни тебя... – возница не успел договорить.

Купчина вдруг шагнул к нему и пинком сбросил беднягу в пропасть.

– Из-за тебя мы чуть все не погибли!

– А-а-а!... – донеслось снизу.

Люди содрогнулись от увиденного. Но никто не осудил купчину. Шига бросил:

– Крут ты, купчина. Но суд твой праведный. Другим наука.

Путята скосил глаз на Ивана, но встретил твердый, без лукавства, взгляд Шиги.

Купец подошел к Кулотке, достал из-за пояса увесистый кисет и вложил в руку парня:

– Держи.

Кулотка удивленно посмотрел на мешочек и проговорил:

– Купец, не оскверняй мою душу. Это ты привык все покупать да продавать. Мой отец всегда учил меня делать добро людям. Ты попал в беду, я тебя выручил. Я попаду – твой долг. Возьми назад свою деньгу, – и решительно засунул кисет за купеческий пояс.

– Быть по-твоему, – усмехнулся купец. – Вот они – свидетели, что я твой должник. Спас же ты бесценную кладь. Смотри.

Он мечом отодрал одну из досок ящика и извлек из мелко рубленной соломы греческий сосуд удивительной красоты. Солнечные лучи играли на его боках, а сам он, отливая небесной синевой, казалось, нес шум невидимого моря.

– На эту вещицу, знаете, сколько я оружия обменяю? Батый бы узнал, первым меня повесил, – довольный произведенным эффектом, Путята спрятал сокровище обратно.

Дол встретил обоз изумрудным цветом. На Аскольда повеяло чем-то близким, родным. Он соскучился по этому виду, и ему хотелось кричать во все горло от радости. Тем более что цель его путешествия, казалось, теперь совсем рядом. Думы о Василии снова целиком завладели мыслями Аскольда: «Что с князем? Скорее бы добраться до половцев».

– Ну, считай, мы на месте. Слава те... Вроде и пронесло, – Путята перекрестился.

Не успел он опустить руку, как обшлаг его зипуна пробила... стрела. Она так и осталась торчать между, застывшей от неожиданности рукой и лицом Путята. Он повернулся к Аскольду.

– Тащи! – заорал купчина, повернувшись к Аскольду.

Теперь над головой самого Аскольда пропела стрела.

– Вozy в круг! – крикнул козелец, выхватывая из колчана лук.

На одном из холмов он заметил невесту откуда появившегося всадника. Первым желанием Аскольда было схватиться с ним в боевом поединке. Но Путята, угадав его намерение, покачал головой: ты не один, мол.

Тем временем возницы быстро и ловко исполняли приказ. Вскоре можно было занять круговую оборону.

– Иван, гони коней в горы, – приказал Путята Шиге.

Вскоре над ближайшими холмами замелькали черные шапки.

– Неуж татары? – невольно вырвалось у Аскольда.

Появление их здесь грозило крушением всех надежд. Но по мере приближения всадников становилось очевидным, что это были половцы.

Отряд был сравнительно небольшой, несколько десятков человек. Впереди скакал голый по пояс половец. Его мускулистое тело отливало бронзой. Он что-то кричал, явно призывая своих приспешников к смелым действиям.

Аскольд выбрал его. Он достал стрелу. Тщательно прицелился. Стрела угодила прямо в грудь предводителю, и тот скатился под ноги коню. Потеря, однако, не остановила пыла нападающих. Путята тоже оказался метким стрелком. Все его стрелы достигали цели.

Понесся значительный урон, половцы было отступили, но какая-то сила вновь погнала их вперед. На этот раз дело дошло до рукопашной. Бились прямо на возах. Аскольду не было равных. Чудеса показывал и Кулотка. Ударом кулака он валил коней. Хватал всадников и так швырял их оземь, что бедным уж больше никогда не суждено было подняться. Половцы откатывались, но потом вновь шли в атаку.

Аскольд понял, что пока за боем будет наблюдать тот далекий на холме всадник, схватка не кончится. Воспользовавшись очередной атакой, Аскольд, сбросив всадника, вскочил на его коня. Зуб, заметив действие Аскольда, проделал подобное. Половецкий конь оказался послушным и легким на ногу животным. Расстояние между таинственным всадником и Аскольдом быстро сокращалось. Но неожиданно навстречу выскочили несколько конных воинов. Козелец не раздумывая ринулся на врагов. Прежде чем выхватить меч, Аскольд выпустил несколько стрел. Ряды половцев поредели. Тут подоспел и Зуб. Половцы бросились врассыпную. Всадник, видя, что победа ускользает, тоже пустился наутек и, наверное, ушел бы. Конь у него был как птица. На это, по всей видимости, и надеялся половец. Да просчитался. Однако от Аскольдовых стрел редко кто уходил. Догнала одна и всадника.

Вскоре Аскольд услышал крики. К нему скакал Путята. Он показывал рукой куда-то в сторону. Повернувшись, Аскольд увидел еще одного беглеца, но только махнул рукой. Когда купец подскочил, он матюгом обложил козельца.

– Ты зачем его отпустил?..

– Хватит, Путята, крови.

– Ишь ты... А смотри, это птица! – он указал на убитого всадника. – Судя по богатой одежде, это не простой воин. Боюсь, – сказал купец, – как бы хану не донесли, от чьих рук погиб этот половец. Ты пожалел – тебя не пожалеют. Заклинаю, откажись от поездки!

– Эх, Путята, двум смертям не бывать, одной не миновать. Не отговаривай.

Всем своим существом Аскольд уже был там, среди половецких шатров. Он видит Василия... Купчина понял, что Аскольда не сломить. Настал час прощания. Они крепко, по-мужски обнялись. Перед тем как расстаться, Путята кликнул Шигу:

– Иван, пойдешь вместе с Аскольдом. Отведешь его к половецкому хану. Береги его, как своего господина. Служи ему верой и правдой. Не забывай, что обязан ему жизнью. Не будь его смекалки, лежал бы ты, пронзенный половецкой стрелой, на этом холме.

Шига оскалился:

– Не сомневайся, головы не пожалею.

– Так-то, – и купчина стегнул коня, крикнув напоследок Аскольду, чтобы тот отдал хану Михайлову грамоту.

Половецкие шатры отыскились на берегу Темсы. В этом году она, бурно разлившись, уже успела войти в свои берега. На площадях, где она недавно господствовала, река оставила несчетное количество озер. Теперь они, как разбросанные чьей-то небрежной рукой зеркала, поблескивали на солнце в окружении изумрудной и нежной травы.

Среди этой красоты и раскинул свой стан половецкий хан Котян. Глазам Аскольда и его спутников предстала безмятежная картина мирного лагеря. Не видно было грозных воинов. Одни только женщины и ребятишки заполняли пространство между шатрами. Женщины хлопотали около костров над огромными котлами, от которых исходил дурманящий запах вареного мяса. В стане путники попытались разузнать что-нибудь о Кыргая или Буде.

Шатер Котяна был виден с большого расстояния. Находясь выше всех, он издали поражал своими размерами. Следуя совету Путяты, к нему-то Аскольд и направил своего коня.

Стража, преградившая было ему путь, враз отступила, узнав, что перед ними посланец Великого князя Черниговского. Хан был уже не молод. На его худощавом удлинённом лице лежала печать усталости. Некогда смоляные волосы были подернуты сединой.

Он принял Аскольда, полулежа на пушистых шкурах. Козельцу никогда не приходилось выполнять посольскую миссию. И поначалу при входе в шатер он оробел. Но, вспомнив вдруг тевтонские ристалища, преклонил одно колено и склонил голову. Котян, уже знакомый с западной манерой приветствия, был крайне удивлен, и на его бесстрастном лице заиграло некое подобие улыбки. Прием был скор. Грамоту принял воин и передал ее хану. Котян, повертев послание в руках, сунул его седоусому старцу с лицом уруса. Тот благоговейно ее взял и поднял глаза на Котяна. Веки повелителя сомкнулись, и слуга озвучил волю своего господина:

– Милостивый хан велит тебе отдохнуть. Свою волю он изъавит через несколько дней.

Аскольд понял, что пора уходить. Он еще раз преклонил колена и, ведомый тем же мускулистым воином, который передавал грамоту, вышел наружу. Половец отвел его в один из пустующих шатров. По той затхлости и сырости, которая дохнула на Аскольда, чувствовалось, что в нем давно никто не жил.

Вскоре появились и его друзья. Они принялись расспрашивать Аскольда о его встрече с ханом. Но ничего радостного сообщить он не мог.

– Ответ будет только через несколько дней, – тяжело вздохнул Аскольд.

– Ты что скис? – толкнул его в плечо Иван. – Пока тебя принимают как княжеского посланника, мы не будем терять времени. Как, ты говорил, звать того нечистого, который мог знать о твоём князе?

– Буд...

– Надо попробовать отыскать и Кыргая – вдруг он жив? Он может помочь.

– Вот и будем их искать.

Шли дни. Но ни о Буде, ни о Кыргая не было никаких сведений. Кыргай куда-то исчез, когда татары штурмовали Козельск. Кое-кто из половцев высказывал мысль, что он мог перебежать к татарам. Бродя по становищу, Аскольд заметил, что встречалось много половцев в полном вооружении. Невольно пришла мысль: уж не татары ли близко?

Но выяснить ничего не удалось, не помог и толстый кошелек. На его вопрос, отчего столько вооруженных людей, половцы только пожимали плечами и поглядывали в сторону ханского шатра. Было ясно: что-то затевается.

В этот день друзья добрались до своего шатра, когда погас последний огонек. А на другое утро их разбудил какой-то шум, смешанный с криками и плачем. Иван почувствовал недоброе.

– Вы, братцы, сидите, а я сбегаю разнюхаю, что к чему, – сказал он и, прихватив свой кисет с деньгами, осторожно выбрался из шатра.

Долго ждать не пришлось. Шига принес нехорошую весть: в становище привезли убитых половцев. Среди них – племянник хана. Аскольд догадался, кем был тот, убитый им, всадник. Дело осложнялось. Шига предложил Аскольду сидеть безвылазно в шатре. Но того невозможно было удержать. Он хотел увидеть, как половцы хоронят своих воинов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.